

Ю. В. Линник

КОСМОС РУССКОГО ПРАЗДНИКА

«Карельское региональное отделение межрегиональной молодежной общественной благотворительной организации «Молодежная правозащитная группа (МПГ)»

Юрий Линник

КОСМОС РУССКОГО ПРАЗДНИКА

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 05-03-42300 а/с

Издание осуществлено при поддержке гранта, предоставленного Комиссией по демократии при Посольстве США в Москве общественной организации КРО ММОБО «Молодежная правозащитная группа (МПГ)», которая несет полную ответственность за содержание данной публикации. Содержание книги отражает точку зрения грантополучателя и не может расцениваться как мнение Посольства США или американского правительства.

Петрозаводск 2006

ВСТУПЛЕНИЕ

Свои философские размышления о народных праздниках я хотел бы посвятить молодёжи Русского Севера. Именно в празднике ярче всего раскрывались вековые традиции. А направлены они были на то, чтобы жизнь не только продолжалась в поколениях, но и множилась – усиливалась – разветвлялась. Молодёжи здесь принадлежала особая миссия. Во многих праздниках она занимала доминирующее место. К примеру, таковы Святки: на третий день после Рождества взрослые приступают к повседневной работе, но молодёжь полностью освобождаются от неё – пусть поиграет, поразвлекается; это оптимальные условия для того, чтобы завязались новые пары – дай Бог, они сыграют свадьбу на мясоед, а потом с ликование встретят раздольную масленицу: по своей сути это праздник новожёнов – праздник цветения жизни.

Сегодня в России остро стоит демографическая проблема. Не сомнительные подачки молодым семьям могут исправить положение, а возрождение этого жизненного духа, который когда-то

царил на Руси – воистину, праздники были его генераторами: без устали они вырабатывали волю к бытию и жажду жизнетворчества. России сегодня очень не хватает подлинной, органичной праздничности. Поэтому в ней так мало плодоносной любви. Русский праздник – это апофеоз национальной культуры: мощное, мажорное, захватывающее проявление её зиждительных энергий.

Для русских праздников характерно сложное соотношение языческого и христианского. Феномен двоеверия крайне интересен в аспекте остройшей проблемы толерантности: искренне принимая новую веру, наш народ не отверг полностью свою исконную мифологическую модель мира – проявил вмещение и старого, и нового – соединил на основе терпимости элементы, которые ортодоксия считает несовместимыми. Русский Север здесь даёт исключительно красивые примеры. Вспомним, что утверждение христианства в Европе было связано с резкой нетерпимостью к античному наследию – тогда как у нас переход к новому произошёл гораздо мягче: Макошь обернулась Параксевой, Велес – Власием, а священные языческие рощи стали местом для христианских захоронений. Два разных мира слились в один космос. Мы называем его *народным космосом*, подчёркивая отличие как от чисто языческих, так и от чисто христианских представлений – ему присуща удивительная синтетичность, в основе которой лежит расширенное, многомерное, истинно толерантное сознание. Народный космос феноменален. Пристально глядя на него, мы начинаем понимать, насколько сложной и богатой была духовная жизнь народа.

Народный праздник является изумительной моделью для изучения преемственности культурных традиций. Он показывает, как изначальные архетипы мигрируют из одной веры в другую, обеспечивая их неявную взаимосвязь и высвечивая их скрытое от поверхностного взора единство. Здесь работает нечто подобное принципу соответствия Н. Бора: старое не отрицает новое, а объемлется и впитывается им. И в культуре работают принципы сохранения. Двоеверие обнаруживает всю их действенность. Прошлое – сохранно. Оно продолжает жить в радикально изменившихся условиях. Заметим, что двоеверие вовсе не раздваивает человека Северной Руси – всему его складу присуща поразительная цельность.

В книге использован преимущественно северорусский материал. Но поскольку Русский Север сосредоточил в себе и бережно сохранил обретения всего славянского мира, то мы с полным основанием иногда выходим за территориальные рамки, придавая исследованию широкий историко-культурный контекст.

Юрий Линник,
доктор философских наук, профессор.

I. ФИЛОСОФИЯ ПРАЗДНИКА

ПРАЗДНИК КАК МОДЕЛЬ МИРА

Праздничное противостоит будничному. Это разные состояния – разные измерения – разные приоритеты. В празднике резко разрывается унылый континуум повседневности – и тогда обнаруживается со всей очевидностью, что для народной культуры характерна двууровневая модель мира: своё сопряжено с чужим, здешнее – с нездешним, посюстороннее – с постустронним, рутинное – с невероятным, прозаическое – с поэтическим. Развивая философию праздника, М.М. Бахтин вводит замечательное понятие *д в у м и р н о с т и*¹. Праздничное действие совершается на границе этих миров. Без этой границы нет праздника. Перепад между уровнями бытия, фиксируемый в народной картине Универсума, вырабатывает энергию праздника. Для него жизненно важна разность смысловых и ценностных потенциалов. Именно благодаря ей возникает искромётное чудо праздника.

Можно и должно говорить о диалектике праздника. Он творится как противоположение обыденному – предполагает его отрицание – ярко контрастирует с ним. Праздник заявляет: есть инобытие – есть другая жизнь. Праздник становится прорывом этой прикровенной реальности в нашу суету сует. Правда, она вскоре снова возьмёт верх, как бы затягивая ослепительную брешь, пробитую в ней праздником на очень короткое время. Увы, праздничное – преходящее, в отличие от обыденности с её мощной устойчивостью и тотальностью. Но праздник внушает надежду: когда-нибудь он станет нормой – и окончательно вытеснит житейскую прозу с её тягомотиной. Отсюда утопизм народного праздника. Подспудно мы хотим, чтобы жизнь раз и навсегда превратилась в непрерывный праздник – то ли ностальгируем по утраченному Раю, то ли чаем грядущего Преображения. Замечательно, что это утопизм не умозрительный, а отчасти осуществлённый – пусть в качестве игровой модели. Праздник в специфической форме выражает народный идеал. Или цель – мечту – энтелию. Опять-таки: этот идеал не есть нечто заоблачное – праздник здимо воплощает его. Утопия в какой-то мере становится действительностью. В пространстве праздника все равны – все свободны – все счастливы. Праздник решительно ставит крест на всех формах социальной несправедливости. Это условно? Пусть так. Но всё же условности тут гораздо меньше, чем в сценической игре – даже в своих театрализованных формах праздник переживается как доподлинная жизнь. Граница между зрителями и лицедеями в нём часто исчезает. Все – празднуют, все – играют. Амбивалентность игры и жизни в карнавале тонко выявлена М.М. Бахтиным². Поэтому о празднике можно сказать так: это способ приобщения к упоительной свободе – и вряд ли на пике всеобщей экзальтации и эйфории её можно назвать эфемерным. Экзистенциально это самая что ни на есть настоящая свобода. Праздник досягает до её первосущего ядра.

¹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. – С. 10.

² Там же. – С. 13.

Самообманом она может показаться после окончания праздника. Но это уже другая система отсчёта.

Вновь обратимся к М.М. Бахтину, назвавшему праздник «первичной категорией»³. По словам Й. Хейзинги, другой крупнейший культуролог XX века – К. Керенны – «признаёт за праздником характер изначальной самостоятельности»⁴. Это очень важные признания. Праздник – первичен, праздник – изначен, праздник – фундаментален. Через его посредничество находят выход исконные потребности человеческой души. Источник их удовлетворения обретается за горизонтом эмпирической реальности. Это как бы некое Зазеркалье: там есть то, чего нет здесь. Праздник осуществляет соответствующие инверсии, делая достоянием настоящего опыта, который кажется принадлежащим будущему или вечности. Он стремится опередить время. Или даже вообще преодолеть его, ибо содержание некоторых праздников – победа над смертью. А смерть есть функция времени. Вполне вероятно, что в празднике присутствует некий метафизический пласт, для изучения которого полезно привлечь и анамнезис Платона, и архетипы К. Юнга. Праздник выводит нас сразу за две границы: 1 – материальной данности, 2 – сферы сознательного. В самом точном смысле слова он является неким коллективным экстазом, когда люди перерастают и самих себя, и внешний мир. Праздник трансцендирует.

С какой бы точки зрения мы ни смотрели на праздник, всегда видно, что в его основе лежит альтернатика: праздник играет на противопоставлениях – оппозициях – диадах. Он выводит нас в перевёрнутый мир. Благодаря ему мы действительно совершаем прыжок из царства необходимости в царство свободы. И это прыжок головокружительный! Настоящее сальто. Все пригнёты сброшены – тенёта прорваны – тиски разъяты. От старого – к новому, от смертного – к нетленному, от печали – к радости, от скучности – к изобилию, от приниженности – к превосходству: вот векторы праздника.

Поскольку календарные праздники цикличны, то их можно уподобить волнам, регулярно поднимающимся над гладью банального существования. Когда бы волна удержалась на своей высоте! Пока это невозможно. Праздник неизбежно кончается. Но он обязательно повторится. И при этом ничуть не потеряется в своей новизне. Его будут ждать как чуда. Тут завязывается парадокс: совместимо ли чудо с повторяемостью? Не размывает ли его периодичность? Т.А. Агапкина пишет: «Чудо отмечает праздник вообще»⁵. Исследовательница вводит интереснейшее понятие «календарного чуда»⁶. По сути это понятие оксюморон. В нём переплелись противоположные смыслы. Календарное – ожидаемо и прогнозируемо, чудесное – неожиданно и непредсказуемо. В народном празднике чудо обретает кажущееся ему чуждым качество ритма. Можно сказать, что народному празднику присуща вечная молодость – он всегда переживается так, как будто спрятывается впервые. Вовлечённость в круговорот вызывала у Екклезиаста чувство безысходности. Но круг народных праздников инициировал противоположное мироощущение. Новизна внутри него не скучла – праздник всегда казался небывалым – всякий раз он блестал оригинальностью. Это позволяет нам сделать два взаимосвязанных вывода:

³ Там же. – С. 303.

⁴ Хейзинга Й. Homo Ludens. М., 1992. – С. 34.

⁵ Агапкина Т.А. Мифологические основы славянского народного календаря. М., 2002. – С. 573.

⁶ Там же. – С. 572.

- праздник безэнтропиен /в отличие от обычного мира, где энтропия неуклонно увеличивается/;
- праздник исключительно позитивен /тогда как в мире, который благодаря ему мы ненадолго оставляем, много негативного/.

Альтернатика здесь предстаёт в своих новых сечениях. Захваченные вихрем праздника, мы забываем про всякий хронометраж – мы сейчас принадлежим безэнтропийной вечности. Это состояние души, вызываемое праздником, хорошо передают строки Б. Пастернака:

*И вот, бессмертные на время,
Мы к лицу сосен причтены
И от болезней, эпидемий
И смерти освобождены.*

В празднике останавливается рост энтропии. Старый мир обветшал – пришёл к максимуму упадка – потерял всякую жизнеспособность. Однако праздник Новогодья поднимает его из этого состояния! Тут предвосхищаются нелинейные уравнения новейшей синергетики. Лишь на их основе возможно преодоление термодинамической смерти. Праздник принципиально синергетичен. Это стихийная – донаучная – народная синергетика. Но в ней выявляются все признаки новейшей парадигмы. Праздник самоорганизуется – разрешает различные кризисы – претворяет хаос в космос.

Чем побеждается энтропия? Производством информации! Праздник генерирует её с небывалой силой. Он ярок – он пёстр – он многозвучен. Это буквально взрыв информации. Она настолько избыточна, что энтропия сходит на нет. Мир пересоздаётся праздником-демиургом – он чудотворствует с размахом и блеском. Ржавчина – патина – цвель: всё это исчезает в турбулентных потоках праздничности. Обмытый её струями, мир предстаёт как новенький – и тут сама собой рождается такая аллитерация: *праздничное есть первозданное*. Потребность в новизне – это потребность в информации. Информация может быть понята как сообщение, несущее нечто новое, отличное от серого фона. Праздник и есть такое сообщение, многократно усиленное благодаря своему массовому характеру. Знаково-сигнальная природа праздника очевидна. Сколь выразительные знаки! Какие интенсивные сигналы! Праздник увеличивает – гиперболизирует – возводит в энную степень. Он всегда зашкаливает – всегда выходит за меру.

В человеческой жизни много минусов. Но праздник знает лишь одни плюсы. Воля к положительному жизнеутверждению делает его своим проводником. Праздник насквозь утвердителен. Это качество ничуть не умаляется тем, что праздник может быть остро критичным к действительности – в разнообразии его обертонах легко улавливаются ирония и сарказм, он охотно использует поэтику гротеска. Но праздник никогда не зацикливается на этих моментах. Они всё же второстепенны. Охотно давая им разработку, праздник создаёт контраст, подчёркивающий роль позитива. Он желает превратить жизнь в сплошную радость. «*Пародийные похороны*»: перед нами снова оксюморон. Смехом обезоруживается смерть – минус превращается в плюс. Это преображение негативного в позитивное является важнейшей чертой праздника. Он хочет видеть мир без всяких теней – поэтому бросает на них столь сильный свет, что они спешат ретироваться. Й. Хейзинга утверждает: «*игровое настроение всегда мажорно*»⁷. Мажор – светоносен. Он мобилизует на борьбу с негативами

⁷ Хейзинга Й. Цит. соч. – С. 33.

бытия /точнее – небытия/. Минор не проходит цензуру праздника. Праздник – витален. «Жизненный порыв» А. Бергсона через его посредничество переходит из биосферы в социум. Праздник является усилителем витальных энергий. Законы сохранения нарушаются в нём: праздник даёт больше, чем берёт – в нём происходит некая синергетическая возгонка, своего рода катализ. Отсюда зажигательная сила праздника. В своём разворачивании он похож на поведение огня. Возможно, это не только метафора, но и аналогия, выявляющая общность синергетической подосновы у разноуровневых явлений. Разогрев социального организма достигает во время праздника своего экстремума. Вырождение праздника ведёт к окоченению общества. Реанимировать праздник невозможно. Замена его эрзацем трагикомична.

В частотном словаре праздника «да» решительно преобладает над «нет». Использовав механизмы отрицания для расчистки игрового топоса, праздник всецело предаётся безмерной, захлебывающейся восторгом, необоримо зарядительной радости бытия.

НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК И ДУХ СВОБОДЫ

Праздник раскреопщает. В нём гораздо больше степеней свободы, чем в потоке будней, которому задано жёсткое русло. Праздник снимает регламентации и табу, вводимые социумом – в нём имеются и хаосогенные, и анархические моменты. Н.А. Бердяев писал о том, что жизнь в Боге «есть свобода, вольность, свободный полёт, безвластие, анархия»⁸. Но такова и жизнь в празднике.

Праздник разрушает общественную иерархию. Это прекрасно показал М.М. Бахтин на примере западно-европейского карнавала. Человек во время праздника выходит из-под контроля социальной необходимости. Подчеркнём, что свобода праздника универсальна – она бросает вызов всем формам необходимости. Конкретно:

1) Смерть – естественная необходимость; народный праздник – например, Масленица – знаменует собой торжество над смертью. Праздник полностью игнорирует второй закон термодинамики. Якобы вытекающая из него неизбежность так называемой «тепловой смерти» не может экстраполироваться на Вселенную праздника.

2) Физическая необходимость накладывает запреты на многие наши желания. Праздник не считается с этими запретами: в его пространстве мы можем левитировать – пить из рога изобилия – накрывать скатерть-самобранку. Для праздника не существуют законы сохранения. Он действует вопреки им – будто и впрямь творит из ничего.

3) Половая принадлежность накладывает очевидные ограничения на поведение человека. Однако поэтика праздника включает в себя дерзкую возможность травестирования. Мужское и женское амбивалентны в празднике. Он словно возвращает человеку полноту андрогинной гармонии.

4) Определяя суть человека, личностное начало вписывает его в определённые рамки – и это весьма жёсткий контур. *Ряженье, машкарованье* освобождают человека от этих позитивных, но иногда кажущихся невыносимо тесными границ. В празднике мы свободны от самих себя – мы сбрасываем бремя собственной личности.

В измерениях праздника свобода выявляет все свои бездонно глубокие антиномии. Вот одна из них:

⁸ Бердяев Н.А. Самопознание. Париж, 1949. – С. 65.

Тезис

Полнота свободы возможна только для отдельной личности, которая вправе не считаться со своим окружением.

Свобода индивидуалистична.

Антитезис

Свобода отдельной личности предполагает свободу всех других личностей. Свобода сопряжена с ответственностью.

*Правомерно понятие *соборной свободы*.*

Какую сторону принимает народный праздник? Вероятно, он осуществляет их своеобразный синтез, хотя больше тяготеет к антитезису. Празднику присуща массовость. Как известно, только при этом условии проявляются синергетические эффекты, столь характерные для праздника: удивительная коопeração элементов – их ошеломительная согласованность. Достигается это без всякой режиссуры. Ведь праздник спонтанен. Празднующий народ – как некая сверхличность. Или соборная личность. Общее тут явно берёт верх над единственным. Но ведёт ли это доминирование общего к полному размыванию индивидуальности? Или она всё же сохраняется, претерпевая специфические метаморфозы? Вот принципиально важные вопросы. В поиске ответа на них обратимся к этимологии слова «свобода».

Оказывается, в своих первичных семантических пластиках данное понятие указывает вовсе не на избавление от чего-то, а на сопричастность к сообществу – к своему роду. «Свой, свои» – и «свобода»: это однокоренные слова. «Од» – древний суффикс собирательности. *Свобода* в границах рода – свобода вместе со своими: таковы здесь первоначальные смыслы. На этом архаическом уровне нет ещё и намёка на персоналистическое понимание свободы. Она принадлежит роду, общине, коллективу. Вместе с тем в корнях слова содержится потенция иных значений, в которых превалирует момент обособления /= освобождения/ индивида от давления социума. Понятия «свобода», «особь» и «особа» тоже этимологически связаны между собой. Необходима большая дистанция исторического времени для того, чтобы «особь» превратилась в «особу» – стала личностью. Можно ли считать, что свобода праздника – это безличностная свобода?

В.Я. Пропп отмечал «сходство между земледельческими обрядами античности и Руси»⁹. Аграрный характер имели знаменитые греческие празднества в честь Диониса. Широко известна культурологическая концепция Ф. Ницше, согласно которой в основе греческой культуры лежит оппозиция Диониса и Аполлона, соответственно персонифицирующих тенденции хаоса и космоса – или начала иррациональности и рациональности, свободы и закона. С Аполлоном Ф. Ницше связывает так называемый *принцип индивидуации*, ответственный за оформление человеческой личности – философ хочет сказать, что тут впервые рефлексируется момент субъективности. Но вот контртема: Ф. Ницше с восторгом говорит о «дионисических чувствованиях, в подъёме коих субъективное исчезает до полного самозабвения» – в культе Диониса всякая индивидуация сходит на нет¹⁰. Чёткие дифференцирующие границы, которые отделяют людей друг от друга благодаря становлению феномена личности, разрушаются дионисическим празднеством. Оргиастический по своему характеру, он восстанавливает как взаимное единство людей, так и их связь с природой. Мир снова становится нерасчленённым целым. Внутри него человек не знает никакой ответственности – никаких обязательств – никаких моральных

⁹ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. М., 2000. – С. 65.

¹⁰ Ницше Ф. ПСС. Т.1. М., 1912. – С. 42.

ограничений. Перед нами ничем не обузданная, нигде не умалённая, воистину первозданная свобода. Несомненно, что в ней есть эйфория – есть экстаз, экзальтация. Она притягивает к себе.

Вяч. Иванов писал: «*Все божества олицетворяют закон; все они законодатели и закономерны сами. Один Дионис провозглашает и осуществляет свободу*»¹¹. Обретая в оргиастической свободе забвение самого себя, человек сбрасывает оковы личности – его охватывает *hieromania* (священное безумие), все сдерживающие факторы являются своё полное бессилие. Естественно, что субъективность несовместима с такой формой свободы – это доличностная и безличностная свобода. Задолго до Ф. Ницше о ней писал Г.В.Ф. Гегель. Он утверждал, что свобода древних означает «*отказ от особенного*» – можно предполагать, что она направлена к некому тотальному Единому, которое разрешает все противоречия и обеспечивает полноту релаксации¹². Свобода Единого – свобода в Едином – свобода от Многого: на достижение этой цели мог быть направлен экстаз праздника.

Н.А. Бердяев указывал на «*внебытийственный характер свободы*»¹³. У свободы нет онтологических основ – она укоренена в абсолютной ничтойности. Это бездна *Ungrund*, о которой писал Я. Бёме – ей свойственна завлекающая сила. *Ничто* обладает бесконечным числом степеней свободы. Ведь оно не знает никаких внутренних разграничений, лимитаций, табу. Оно пусто. Почему влекут к себе Дао и шуньята, Брахман и нирвана? Потому что слияние с ними сулит безграничную, безусловную, безоговорочную свободу. Это восточная мистика. Но и европейские праздники – в том числе русские – знают свои экстремумы, где душа соприкасается со свободой в том её понимании, которое нам предлагаю Я. Бёме и Н.А. Бердяев. Вспомним «*Вихрь*» Ф.А. Маявина /1906; ГТГ/. Это апогей народного праздника – его неистовая кульминация, когда сердце шалеет от восторга. Танцевать до упаду – до умопомрачения – до беспамятства: нет ли тут сходства с мистической практикой? Например, с суфийской. Вихревой разгон праздника сметает все барьеры – и социальные, и физические. Не соприкасается ли душа в этот момент с *Ungrund*? Свобода бёмевской бездны дышит на наш мир из малявинского «*Вихря*». Очевидно, есть глубинная психологическая потребность в такого рода экзальтациях – возможно, через них осуществляется специфический катарсис; или происходит подзарядка первичной витальной энергией; или создаются условия для какого-либо сакрального перехода – например, для инициации. Сейчас мы входим в область гипотез. Психология праздника – особенно его экстремальных фаз – требует изучения. Напомним мысль Вяч. Иванова о том, что человек обременён «*виной своего обособленного возникновения, своей эгоистической отдельности*»¹⁴. Праздник несёт в себе пафос единения, слияния. Он есть форма искупления вины за выход из Единого. Дионисическое растворение личности может быть подготовкой к теозису – «*отожествлению участников оргий, поскольку они испытывают состояние энтузиазма, или богоодержимости, с самим божеством*»¹⁵. Теозис в этой своей языческой разновидности тоже предполагает отказ от себя. Праздник несовместим с эгоизмом, индивидуализмом, субъективизмом. Он объединяет, а не разделяет.

¹¹ Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994. – С. 56.

¹² Гегель Г.В.Ф. Эстетика. Т.2. М., 1969. – С. 251.

¹³ Бердяев Н.А. Цит. соч. – С. 231.

¹⁴ Иванов Вяч. Цит. соч. – С. 169.

¹⁵ Там же. – С. 283.

В празднике мы все *свои* – мы роднимся друг с другом – к нам возвращается чувство родового единства. Нельзя исключить, что праздник является своеобразным реликтом этого единства – попыткой его восстановить на игровом уровне. Здесь проявляется архаика праздника. Но он многогранен. Где-то праздник элиминирует личность – а где-то выдвигает её на первый план. Таков греческий *агон*, существенный элемент античного праздника. Русское состязание родственно ему. Возможны групповые состязания. Но и там есть вожак, лидер – яркая личность, сумевшая выделиться из фона. Даже вне своих соревновательных модификаций праздник помогает человеку заявить себя. Таковы смотрины молодых девушек. Впрочем, тут тоже есть состязательный момент – ведь отличиться можно лишь через сравнение с другими. Стихия праздника начисто смывает многие различия – но она же помогает культивировать личностную непохожесть. Показать свою красоту – своё удачство – своё мастерство: всему этому содействует праздник. Человек свободно реализует себя в благодатной среде праздника. Здесь свобода праздника раскрывается своей персоналистической гранью.

Понятно, что во время праздника прекращаются все работы – это отдохновение, расслабление, передышка. Физический труд является для человека не-преложной, жизненно важной необходимостью. Но праздник отменяет её на короткий срок. В Раю человек не работал. Не воспроизводит ли праздник райскую беззаботность? Утопия тут снова заявляет себя. Сегодня принято критиковать утопическое сознание. Между тем оно может опираться на фундаментальные архетипы. В таком случае оно неустранимо. С ним надо считаться – его надо исследовать.

О связи праздника с утопией многократно говорит М.М. Бахтин. По его мнению, праздник есть «временный выход в утопический мир» – там невозможно остаться навсегда¹⁶. Вероятно, полная свобода – тоже утопия. Если она и достижима, то в горизонтах или Бога, или Ничто. Праздник уверенно приближает нас к этим асимптотам. Быть может, в нём есть такие мгновения, когда эти цели достигаются не асимптотически, а абсолютно. Так или иначе, но только праздник даёт нам возможность ощутить тот максимум свободы, который возможен на Земле.

У Г.В.Ф. Гегеля мы находим поразительные слова: «Свобода как раз и состоит в неопределенности воли» – она противоположна природной определённости¹⁷. Как надо понимать категорию неопределенности в нашем контексте? Очевидно, определение свободы – как в смысле попытки дать её дефиницию, так и в смысле желания задать ей цель, направленность, функциональность – будут ограничениями свободы. Но она безгранична. Как и народный праздник.

Соотнесём слова Г.В.Ф. Гегеля с мнением М.М. Бахтина, утверждающего, что содержание праздника не редуцируется к «определенному ограниченному содержанию»¹⁸. Живой смысл праздника будет убит, если мы возжелаем дать ему формальное определение – или аналитически разъять его – или тем паче что-то рационализировать в нём, навязав ему извне искусственный порядок, определённые границы. Это соприсуще празднику: неопределенность – безграничность – бездонность. Быть может, именно праздник – самая загадочная и самая заповедная манифестация бытия. Он самоцелен – самоценен – самодостаточен. Он свободен от соображений пользы – ничего утилитарного в нём

¹⁶ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 303.

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Эстетика. Т.4. М., 1973. – С. 153.

¹⁸ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 304.

нет и в помине. И это несмотря на магические предпосылки многих праздничных обрядов. Касания абсолютной свободы наиболее ощущимы именно в празднике. Поэтому тоталитарные режимы делают всё возможное для умерщвления праздника.

ПРАЗДНИК – СПОНТАННОСТЬ – ИГРА

Игра старше культуры.

Эту великую мысль сформулировал Й. Хейзинга¹⁹. Эстафету игры социуму перехватывает от природы. Й. Хейзинга утверждает: «*Все основные черты игры уже присутствуют в игре животных*»²⁰. Стихийная народная философия идёт ещё дальше, указывая в своих метафорах на то, что основания игры надо искать в космосе. Замечательно представление народа о Солнце, которое играет в день на Ивана Купалу – так оно выражает полноту бытия. Древнеиндийская философия вводит интереснейшее понятие *лилы* – божественной игры, в которой творится мир. Праздник неразрывно связан с игрой – по сути является одной из её модификаций.

Процитируем ещё раз Й. Хейзингу – «*первый из главных признаков игры: она свободна, она есть свобода*»²¹. Игру можно рассматривать как ипостась свободы. Это самовыражение – самореализация – самосотворение свободы. Играть по-настоящему, в полную силу – жить и созидать *играючи* – может только свободный человек. Игровая Вселенная праздника отмечена прежде всего духом свободы. Нельзя играть принудительно – это будет выхолощенная игра, её жалкая подмена. Фашистским, коммунистическим, чекистским режимам присуща монументальная извне, но абсолютно трухлявая изнутри лже-серьёзность. Они панически боятся игры – у них идиосинкразия к юмору – весёлость духа кажется им подозрительной. Об этом великолепно пишет Ф. Хайек: «*Любая спонтанность или непрояснённость задач нежелательны, так как они могут привести к непредвиденным результатам, противоречащим плану, просто немыслимы в рамках философии, направляющей планирование. Этот принцип распространяется даже на игры и развлечения*»²². Всякая игра – не только игра на бирже – чужда обществу, основанному на плановой экономике и блюдущему единомыслие. Игра не укладывается в прокрустово ложе плана. Кроме того, ей трудно навязать идеологию – а ведь такие чудовищные попытки делались даже по отношению к шахматам.

Фашизм, коммунизм, чекизм не играют.

Однако неизбежно проигрывают в жизненном соревновании.

Системам этого типа свойственно неприятие самоорганизации, спонтанности, непредсказуемости. А это всё параметры игры.

Только сейчас мы начинаем сознавать, что игра моделирует мир – выявляет его сущностные свойства. Познай игру – познаешь мир. Игра станет для тебя надёжным познавательным инструментом. И ты увидишь:

– у игры – как и у мира – есть свой *Логос*: это набор правил и алгоритмов, позволяющих предвычислять ход игры; назовём его аналогом динамических закономерностей космоса;

¹⁹ Хейзинга Й. Цит. соч. – С. 9.

²⁰ Там же. – С. 10.

²¹ Там же. – С. 18.

²² Хайек Ф. Дорога к рабству. – М., 2005. – С. 163.

– но вместе с тем на равных правах в игре действует *Алогос*, дающий выход вовне спонтанности и случаю; параллелью к ним являются статистические закономерности.

Доскональное знание правил ещё не обеспечивает успеха в игре. Эти правила вторичны. А в основе игры мы видим нечто самопроизвольное, не желающее рассчитывать себя наперёд, флюктуативное или импровизационное – словом, всё то, что не хочет считаться ни с какими алгоритмами и предписаниями. Фортуна? Случай? Удача? Вторгаясь в игру, они придают ей высшее напряжение – и делают игрой в самом точном смысле слова. Детерминированное здесь пересекается с беспричинным или самопричинным – игра по правилам наслаждается на игру без правил. И это перспективное сочетание! Сам Универсум построен таким же образом: он играет сразу на линейном и нелинейном – на определённом и на неопределенном – на заданном и неожиданном. Односторонность тут крайне опасна: игра по правилам вырождается в механический автоматизм – игра без правил пытается форсировать случай. Дополнительность двух этих типов игры даёт оптимальный результат. Игра тем совершенней, чем глубже в ней эта дополнительность. Тогда игра является единство свободы и закона, случая и алгоритма, озарения и расчёта. В праздничных гаданиях очень ярко проявляется эта двойственность игры. Гадание может строиться на игре случая. Но полученный результат вводится в детерминированный контекст. Гадание такого типа философично – в нём сквозят полярности бытия.

У праздника есть сценарная канва. Это как бы силовые линии, организующие действие. Похоже, что за ними стоит юнговский архетип – изначальная матрица праздника. Правомерно утверждать, что праздник детерминируется именно архетипом, но материал на его паттерны ложится свободно и непринуждённо. За вариациями праздника можно угадать общую архетипическую основу. Однако сколь разнообразны эти вариации! В своей калейдоскопической смене они производят фантастическое впечатление. Это выказывает себя игровая стихия праздника, которая, встречаясь с чем-то предзаданным, преобразует его настолько ярко, что кажется: праздник творит архетипы, а не проявляет их. Нигде креативное начало не выступает в столь чистом виде. Если искать параллель, то она только одна: гипотетическое сокровение мира Богом. И праздник, и Творец действуют на общей основе, исповедуют сходные эстетические принципы. Свои идеи они осуществляют спонтанно – будто ими понято: синергетика результативнее механики. Спонтанность праздника! Вот важнейший аспект его свободы. И условие его жизненности, витальности.

Праздник – открытая система: в него притекает энергия природы и космоса, он сообщается с ними. Противопоставляя понятия «космоса» и «таксиса», Ф.Хайек связывает с первым спонтанность, а со вторым – принудительность. Космос организует – таксис закрепощает. Как отдельные люди, так и целые государства выбирают между космосом и таксисом. Ф. Хайек пишет: «Только космос соответствует модели открытого общества»²³. По его мнению, простые люди «способны сформировать спонтанный порядок» – и внешние детерминаторы тут не нужны²⁴. Праздник создаёт наилучшую модель такого порядка. Замечательно, что она складывается не на протяжении жизни нескольких поколений, а практически мгновенно. Время праздника ускорено. На наших глазах происходит то, что синергетики называют «режимом с обострением» – новый

²³ Там же. – С. 81.

²⁴ Там же. – С. 81.

порядок возникает очень быстро и сохраняется в течение какого-то срока. Пусть и не слишком долгого.

Игра – спонтанность – свобода – праздник: взаимосвязь этих понятий фундаментальна. Человечество может пребывать в разных состояниях. Это мир и война, труд и революция, стагнация и подъём. Думается, что именно в состоянии праздника человечество с наибольшей полнотой раскрывает свои лучшие задатки: способность к творчеству – умение самоорганизоваться – дар единения, солидарности. Придти на праздник – как подняться на Олимп: человек чувствует себя богом. Праздник делает его счастливым.

Игра может как осознавать свою условность /«всё понарошку»/, так и не осознавать её, замещая действительность не только символически, но и реально. Условен или не условен праздник? На своих глубинных уровнях он переживается как подлинная жизнь. Только в ней и можно найти себя. Игра и жизнь являются сейчас если не тождество, то родство. Потом произошла дивергенция: они разошлись в разных направлениях. Но перемычки между ними возникают постоянно. И это красит жизнь.

Спонтанность – бытия.

Спонтанность есть исходная, первичная форма проявления бытия. Наша Вселенная возникает в результате спонтанного нарушения симметрии вакуума. Праздник своеобразно воспроизводит этот процесс: он колеблет равновесие социума – и вот из него вырывается вихрь карнавала. Нечаянность – не-произвольность – незданность – спонтанность – имманентность: это свойства игры – и это характеристики свободы.

Игра даёт выход избыточным силам? Её целью является подражание? Благодаря ей мы получаем возможность отдыха, разрядки? Это тренировка перед чем-то серьёзным? Или средство для обретения главенства? Игра компенсирует вредные побуждения? Восполняет монотонную деятельность? Создаёт иллюзию выполнения невыполнимого? Вместе с Й. Хейзингой мы расщепили игру на веер вероятностей. Но главное не нашли. Игра целостна. Она может получать прикладные значения. Однако собственное оправдание она содержит в самой себе: мы играем ради игры – веселимся ради веселья – празднуем ради праздника. Творческое начало в человеке ярче всего проявляется через игру. Религия говорит: Бог создаёт мир не потому, что в чём-то нуждается – для него первенствует чисто креативный момент. Нет сомнения, что *Homo Ludens* в данном случае переносит на Бога собственную саморефлексию – религия становится своеобразным способом самопознания и самоутверждения.

Наш мир возникает из квантовой неопределённости – его начальные условия необратимо размыты. Столь же неопределенным является будущее: его ожидание питает как сoteriологические надежды, так и эсхатологическое отчаяние. Мы живём внутри неопределенности – среди неопределенности – на фоне неопределенности. Что такое игра? Это гениальная адаптация человека к тотальной неопределенности существования. Ставя великие вопросы бытия, человек отвечает на них в игровой форме. Игре чужда однозначность. В ней много граней и ракурсов – вариативность соприсуща ей. В этом игра близка некоторым современным концепциям истины, включающим в себя моменты дополнительности и относительности. Можно сказать так: игра есть ипостась истины – через неё своеобразно свидетельствует о себе и природа мира, и природа человека.

Й. Хейзинга отмечает: «*Культ привит к игре*²⁵. Говоря иначе, религия своими корнями уходит в игру – является её своеобразной модификацией. Вероят-

²⁵ Хейзинга Й. Цит. соч. – С. 29.

но, вырожденной модификацией: религии чужда условность игры – она до-нельзя серьёзна, для неё характерна претензия на обладание абсолютной истиной. Между тем религия сохраняет все основные черты игрового поведения. Форма и содержание в ней несколько разбалансированы: условная игровая форма заполняется содержанием, которому приписывается статус безусловного откровения. Эта внутренняя раздвоенность религии может вызывать психологический сбой в её адептах. Игра в этом плане является более цельным и естественным проявлением человеческой сущности. Будучи детищем игры, религия тщетно пытается оторваться от своих корней – она обречена оставаться в игровом поле, адаптируясь к нему. Закономерно, что религия видит в игре своего конкурента – известно, сколь сурово христианством осуждаются языческие игрища. Ответно игра занимает как оборонительные, так и наступательные позиции. Народный праздник часто включает в свою структуру пародирование церковных обрядов. Вспомним обряд похорон Костромы: впереди погребальной процессии идут парни, рядящиеся священниками – вместо кадил они несут старые лапти. Потопление или сожжение чучела сопровождается расхристанным весельем.

Игра широко и глубоко пронизала народную жизнь. Активизируясь в дни праздника, она присутствовала и в буднях – придавала им красочный оттенок. Обряд и игра генетически связаны друг с другом. По сути всё бытие крестьянина строилось как обряд – игра была имманентна этому бытию. Не здесь ли достигается экзистенциальный оптимум существования? Играющий человек счастлив и самодостаточен: он ощущает себя органически вписанным в мир – чувствует свою гармоническую соотнесённость с космосом, вторит ему.

У игры мы обнаруживаем синергетическую основу. Но на этой основе зиждется и космос! Мы вправе сказать, что мир и игра имеют общую онтологию – реализуют одни и те же синергетические начала. Поэтому причастность к игре означает близость к истине. И наоборот: выпадение из игры ведёт в тупик – человек теряет себя, попадая в мир однозначных догм и жёстких предписаний. Черты такой инволюции обнаруживают некоторые разновидности религиозного сознания, имеющие тоталитарный уклон – они закрепощают человека. Игра старше религии – игра переживёт религию. Космос русского северного крестьянства даёт нам исключительно яркий пример игровой *ноосферы*. Она воистину софийна.

Мы играем не взаправду? Мы лицедействуем в игре? Пусть так. Но в том и заключается парадокс игры, что в основном она открывает безусловное – высвечивает как онтологические, так и экзистенциальные глубины бытия. Быть может, именно игра изоморфна этим бездонным основам – и поэтому именно через игру осуществляется знаменитая античная *алетейя*: самораскрытие истины – её явление человеку. Возможно, космос является огромной игротекой – и попытки перестроить её под что-то более серьёзное окажутся губительными для бытия.

Замечательно, что наличие в празднике элементов детерминации – это и правила игры, и канонические ритуалы – ничуть не лишает его спонтанности. Это главная характеристика праздника. Исчезновение спонтанности означает его смерть. Бытию присуща некая изначальная активность: она есть причина самой себя – она самопроизвольна – она спонтанна. Мир возникает нечаянно, колебля равновесие пустоты. Не воспроизводится ли этот акт на многих других уровнях – будь то возникновение жизни или зарождение стиха? Это важнейшие элементы свободы: незаданность – непроизвольность – непреднамеренность. Все эти моменты покрываются понятием спонтанности. Если уж и говорить о Боге, то о нём можно сказать так: это Великая Спонтанность! Заявив

себя, бытие будет стремиться к самоподдержанию – станет структурироваться, оброняясь от энтропийного хаоса, несущего угрозу небытия. И в этом спасительном для себя самоупорядочении бытие будет творить красоту. Спонтанность в единстве с порядком: вот ключ к гармонии мира. Этим ключом владеют игра и праздник.

Случайность очень поздно вошла в научную картину мира. Этого никак нельзя сказать о той картине мира, какую нам предлагает игра – там случай или доминирует, или выступает на равных с правилами, делающими игру – не побоимся философского термина – более диалектичной. И это диалектика самого бытия! Игра есть её зримое выявление. Соотношение между двумя началами в игре – первичной спонтанностью и детерминацией, задаваемой правилами – может широко варьировать. Спонтанность тесно связана со случайностью. Если мы хотим уменьшить в игре меру случайности – стремимся предельно заалгоритмизировать её – то мы фактически убиваем игру. Ещё Эпикур говорил, что лучше быть игрушкой случая, чем рабом слепой необходимости. Игра прививает нам вкус к свободе. Эта свобода полна риска. Но есть счастливый случай! Не усиливается ли его вероятность массовостью действия? Праздник в целом ориентирован на удачу. Выигрыша в натуральном смысле слова здесь нет. Но тем не менее выигрывают все, ибо нет лучшего приза, чем азарт свободы. Нас сейчас интересует праздник как состояние. Охватывая большое количество людей, он спонтанно порождает синергетические эффекты, инициируя качественно специфические формы радости, восторга, упоения жизнью. Социальная природа человека – его способность и к состраданию, и к сорадованию – проявляется тут с наибольшей масштабностью. Праздник преодолевает отчуждение. Барьеры, разделяющие людей, сметаются им – и мы ощущаем себя как родня, как всеобщее братство. Конечно же, праздник сопровождается катарсисом – он очищает и высветляет душу.

О коллективном эффекте говорят и физика, и синергетика. Но философия праздника тоже включает в себя это понятие. Можно играть и праздновать в одиночку. Но тогда создаются мысленные партнёры, замещающие реальных людей. Игра принципиально социальна. В ней очевидно коммуникативное начало. Если из игры вырос греческий *агон*, то мы вправе предположить, что такой же генезис имеет и *диалог*. По сути он является из себя высшую интеллектуальную форму игры. Интересно, что некоторые диалоги Платона не имеют завершения – игра тез и антitez уходит здесь в бесконечность. Это адекватно диалектической природе бытия. Для диалогов Платона характерна праздничная воодушевлённость. Не случайно один из них называется «Пир». Возвышенное состояние духа – своего рода интеллектуальная эйфория – активизирует процесс мышления. Сколь типичны для участников диалога спонтанные озарения! Их как бы осеняет свыше. Это тоже синергетический эффект, возникающий в результате с сотворчества, каковым является диалог.

Может создаться ощущение, что сейчас мы далеко ушли от темы народного праздника, но это не так: в игровой атмосфере праздника рождалась философия народа – кристаллизовалась его модель мира. В своих главных чертах она аналогична платоновой модели мира. На это поразительное сходство обратил внимание П.А. Флоренский в своей статье «Общечеловеческие корни идеализма». Вот кардинальная дилемма Платона: мир вещей и мир идей. В народной модели ей соответствует полярность посюстороннего и потустороннего миров. Праздник предельно релятивизирует разделяющую их границу. Два мира взаимодействуют во время праздника – коллективный эффект проявляется сразу на двух уровнях бытия. Следует отметить, что различные

манифестации потустороннего мира являются типично спонтанными – даже если их ожидаешь, всё равно они всегда чудесны и непредсказуемы.

Игровое и спонтанное в человеке: эти бесценные качества поддерживал и культивировал праздник. Очевидно, во время праздничного действия люди входили в резонанс с некоторыми глубинными структурами и ритмами бытия – это приводило к уже известному нам эффекту, который синергетика определяет как «режим с обострением»: тогда в невероятной прогрессии возрастает энтузиазм – и всеохватно ширится пафос. Уже древние говорили о том, что в состоянии праздничной экзальтации человек предельно сближается с Богом – больше того: сливается с ним.

Игра – от Бога.

В празднике есть нечто божественное. Эта оценка вполне уместна в строго научном – даже атеистическом – контексте. Она у нас метафорична. Мы хотим сказать, что игра и праздник поднимают человека на высоту, где он как бы перерастает себя – легко воспаряет над своим обыденным уровнем. Играющий и празднующий человек чувствует себя Богом в том смысле слова, который связан с интенцией свободы, раскованности, творческого горения духа, когда всё получается само собой – как бы играючи.

Праздник дарил простым людям воистину философические прозрения. Им открывалась как цельность бытия, так и его дуализм. И самое главное: стихийно они ощущали, что унисон с бытием – источник счастья и радости.

МИСТЕРИЯ ПЕРЕХОДА

Народный праздник трансцендирует.

По мнению М.М. Бахтина, для полного раскрытия потенциала праздника к нему «должно присоединиться что-то из иной сферы бытия»²⁶. Праздник двухуровнев – двуслоен – двумирен. Он латентно содержит в себе философию, которую можно назвать стихийным объективным идеализмом – бытие в ней поляризовано на *здесь и там*, на явное и скрытое. Граница между ними неуловима. Праздник если не выявляет, то моделирует её. Праздничное действие приурочено к этой границе. Сотри её – и праздника нет.

Пространство народной культуры гетерогенно и анизотропно. Это значит, что мы, двигаясь по нему, обязательно подойдём к некоему порубежью, за которым начинается нечто *иное*.

Полагание *иного* является основополагающим актом для идеалистической философии. Материализм не знает *иного*. Хорошо известно, что христианский храм символизирует именно двухуровневый мир: средостение иконостаса разделяет дольнее и горнее, посюстороннее и потустороннее. Но по этому критерию, взятому в предельном его обобщении, языческое жилище вполне изоморфно христианскому храму: в нём имеется целая система границ, размежёвывающих различные бытийные сферы. Повторим и подчеркнём: нас в данном случае интересует лишь топологическое подобие двух миров – языческого и христианского. Они конвергируют именно в своей гетерогенности, многоуровневости. Между ними вполне вероятна генетическая преемственность: давая своей модели мира новое смысловое наполнение, христианство заимствует у языческой модели важнейшие элементы архитектоники.

Переход сакральной границы: вот что составляет существо многих народных праздников. Обычно у них отчётливо просматриваются мистериальные кор-

²⁶ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 14.

ни. Элевсинская мистерия: это одновременно и священнодейство, и праздник. Сходство между земледельческой религией эллинов и славян давно отмечено. Инвариант здесь такой: торжество жизни над смертью. Весенное воскрешение растительности трактуется как провозвествие человеческого бессмертия. Это очень поэтично. Природа предстаёт как символ, указующий на смыслы, жизненно важные для людей. В основе Элевсинской мистерии лежит мифологический сюжет, связанный с похищением Персефоны – став пленницей Аида, она тем не менее получает право регулярно возвращаться в мир живых. За этой периодичностью стоит сезонный ритм биосферы. Он опоэтизирован эллинами. Вспомним ключевые моменты Элевсинской мистерии:

- совершается обряд очищения: желая смыть с себя мирскую скверну, мистагоги бегут к морю и приступают к ритуальному омовению;
- возвращаясь к храму, они с трепетом переступают его ограду – она символизирует границу сакрального и профанного;
- далее следует символическое погружение в мир вечной темноты – идя путём зерна, человек умирает смертью растения – уподобляется Персефоне;
- но вот перед мистагогами возникает спасительная лестница; поднявшись по ней, они возвращаются в мир живых; перед ними ярко освещённое помещение; это мегарон: здесь будет разыграно похищение Персефоны.

В Элевсинской мистерии получают замечательное образное наполнение фундаментальные архетипы. Эти же архетипы высвечиваются в русских народных праздниках:

- очистительные действия тут осуществляются разными способами – войдой, огнём, заклятиями;
- граница, разделяющая два мира, присутствует в разных вариантах;
- участники праздника взаимодействуют с представителями тёмного мира; часто инсценируется ритуальная смерть, понимаемая как жертвоприношение;
- финалом праздника является торжество бытия над небытием; хотя Персефону нельзя поставить в один ряд с русскими Масленицей или Костромой, но тем не менее определённое типологическое сходство тут имеется. Все три персонажа символизируют чередование жизни и смерти, света и тьмы, тепла и холода.

Русские народные праздники неразрывно связаны с космическими ритмами земной природы. Можно сказать, что они являются мифологизацией и поэтизацией этих ритмов. Существует круг праздников. Он изоморфен вселенскому циклу. Жизнь и смерть чередуются в нём, являя свою единсущность. По мнению А. ван Геннепа, осмысление этой периодичности нашло «этическое и философское обоснование в буддизме, а в теории Ницше о вечном возвращении приобрело психологическое значение»²⁷.

Своеобразнейшее оформление архетип вечного возвращения получает и в русских аграрных праздниках. Взаимопереход жизни и смерти – универсальное их содержание. Совершаясь испокон веков, он никогда не теряет своей новизны и таинственности: уход туда и выход оттуда – область неглаголемого, неизъяснимого. Граница между жизнью и смертью искони влечёт человека. В выдающемся исследовании А. ван Геннепа «Обряды перехода» рассказано о различных способах её символического пересечения. Русский праздник стремится сделать эту границу предельно прозрачной. Умершие должны участвовать в празднике. Сама эта установка указывает на относительность смерти. Её никак нельзя отождествлять с полнотой и тотальностью небытия. Тем не

²⁷ ван Геннеп А. Обряды перехода. М., 1999. – С. 175.

менее смерть вносит трагические разрывы в социум. Безутешные плачи наших воплениц свидетельствуют о том, что знание посмертной перспективы не умеетить боль потери. Одна из функций праздника – обнадёжить, утешить: ушедшие сейчас рядом – поэтому им выставляется угощенье. По сути внутри праздника время переходит в вечность – праздник стихийно воспроизводит состояние вечности: нет прошлого и настоящего – есть длящееся «сейчас» – все поколения существуют в одном остановленном мгновении. Блины, которые кладут на могилу – или выставляют на слуховое оконце: единство живых и мёртвых здесь мыслится физически, натуралистически – но это высокий, истинно поэтический, прекрасный в своей наивности натурализм. Граница двух миров в этом обряде переходит не условно, а прямо, непосредственно – хотя и через предметы-медиаторы. Видимое и невидимое вступают в предельно тесный контакт.

Мир мифологического сознания – это сложная система переходов. Как правило, они носят дискретный характер: мы сразу попадаем в новую область – в новое состояние – в новую систему ценностей. Праздник можно трактовать как специфический *толос переходной зоны* – в отличие от других границ этого рода, дискретность тут несколько смягчена, как бы размыта. Поэтому становится возможной своеобразная *чересполосица* двух миров – в окрестностях порубежья они взаимопронизывают друг друга, между ними активно осуществляются различные формы обмена: это посещения с двух сторон, передача предметов или изображений и т.п. Праздник перерастает посюсторонний горизонт. Он охватывает и трансцендентные измерения, восстанавливая целостность бытия, разделённого на две сферы. Это очень существенно: модель мира, просматривающаяся в народном празднике, не ограничивается физическим космосом – она расширяется до транскосмического и метафизического.

Можно говорить о линейных и циклических переходах. К числу линейных относится переход человека от ювенильной к зрелой стадии. Он отмечен разнообразными обрядами инициации, принимающими форму всеобщего празднества. Впрочем, линейность тут относительная – С.В. Максимов сообщает о святочной игре, в процессе которой старых переделывали на молодых²⁸. Игра эта выглядела так: в избе вывешивался полог, изображавший наковальню – за него заходил ряженый стариk – раздавались удары молота. И вот результат: из-за полога выходит юноша, держащий в руках маску старика. Полог здесь символизирует границу между разными возрастами. В обыденном пространстве пересечение этой границы является для нас необратимым. Но праздник делает его обратимым! Обратный переход от смерти к жизни, от старости к молодости питает многие сказочные сюжеты. Несмотря на элементы линейности, народный космос строится преимущественно на основе принципа обратимости, однако движение по мировому кругу не является монотонным и однообразным – этот круг разделён на сегменты, качественно отличные друг от друга. Таким образом, мировой круг сложно структурирован и дифференцирован – он никак не похож на гнетущий своим однообразием круг Екклезиаста. Внутри циклического космоса совершаются переходы, которые хочется назвать квантовыми – столь разительна новь, каждый раз открывающаяся нам за порубежной чертой. Нельзя круг народного космоса сравнить и с индийским колесом Сансары: бесконечная повторяемость ведёт к унынию духа – не зря Будда стремился остановить фатальное вращение. Скорее тут возможна ассоциация с праздничной каруселью. Многоцветная и стремительная, она убеждает нас в том, что ни одно время года не скучно – у каждого есть свои краски, свои

²⁸ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. – С. 299.

праздники, соперничающие друг с другом по степени яркости. В круговороте народного космоса постоянно генерируется неизбытная новизна. Сказочная мельница-самомолка – его метафорическая модель. Изношенное – обновляется. Поэтому рост энтропии не является роковым. Даже энтропию можно направить вспять! Старые темы повторятся. Но обязательно с ошеломительно новыми вариациями.

Разнообразны границы, проведённые внутри народного космоса – иногда они совпадают с видимыми реалиями. Такова поверхность земли. Её можно копать, рыхлить, перелопачивать. Но тем не менее в ценностном отношении она сакральна. Её пересекает опускающаяся вниз домовина – и её решительно переходит первый весенний побег. Порог дома: помимо функционального назначения, он ещё несёт и заповедные смыслы – маркирует разные зоны бытия. А. ван Геннеп обращает внимание на сакральную значимость ворот, портиков, арок²⁹. В Архангельской губернии был такой обычай: на Троицын день две берёзки связывались вершинами – создавали зелёную арку. Она воспринималась как средоточие, разделяющее разные уровни реальности – переход через неё имел магическое значение. Арки, сплетённые из рук, характерны для народного танца. Порой они образовывали целую аркаду. Передвижение под нею хранит следы ритуального действия.

Народная модель мира впечатляет одновременно и сложностью, и цельностью, и красотой. Ей присуща высшая связность. Различные переходы, активизируемые праздником, обеспечивают в ней взаимодействие всех уровней бытия.

ИНВЕРСИИ ПРАЗДНИКА

У Н.В. Понырко мы находим важную для нас мысль: реализующийся в народном празднике «эффект «навыворот» неотъемлемо присущ идее двумирности»³⁰. М.М. Бахтин ввёл эвристическое понятие: «карнавальное наоборот»³¹. Н а в ы в о р о т, н а о б о р о т: речь идёт об инверсии, переворачивающей смыслы, значения, ценности. В структуре народного космоса имеется некая плоскость симметрии, при переходе через которую явление замещается на собственную противоположность. Частным случаем такой инверсии является трансвестия, широко используемая в архаических обрядах ряженья. Плоскость симметрии здесь обращает мужское и женское. Но она работает в широком диапазоне, охватывая правое и левое, сакральное и профанное, высокое и низкое, новое и старое.

В народном космосе мы видим своеобразное раздвоение на мир и антимир. За этим дуализмом стоит один из основополагающих архетипов. Известнейшей его манифестацией является неомиф Л. Кэрролла о Предзеркальи и Зазеркальи. Нечто очень схожее мы находим в народном космосе. Он имеет своё Зазеркалье. Проникновение туда – тоже переход. Интересно, что данный архетип получил воплощение в новейшей космологии, где говорится о так называемом СРТ-обращении: при определённых условиях Вселенная меняет на противоположные зарядовый, пространственный и временной знаки. Академик

²⁹ ван Геннеп А. Цит. соч. – С. 24.

³⁰ Понырко Н.В. Святочный и масленичный смех. – В кн.: Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. М., 1984. – С. 171.

³¹ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 456.

А.Д. Сахаров упорно развивал идею о симметрии вещества и антивещества во Вселенной. Ныне широко обсуждается гипотеза так называемой *зеркальной материи*, которая противоположна обычному веществу только по своему пространственному знаку. Это как бы энантиоморф нашего мира. Две ипостаси материи – левая и правая – могут находиться в теснейшем сопряжении, но при этом оставаться невидимыми друг для друга. Возникает соблазн предположить, что разного рода нежить состоит из такой материи, но пока подобные идеи должны выдвигаться лишь на правах поэтических эвристик. Никак нельзя исключить, что интуиция народа смогла проникнуть в экологические ниши зеркального антимира, непосредственно соседствующего с нами. Однако это и нельзя доказать. Так или иначе, но здесь мы сталкиваемся с удивительным фактом: один и тот же архетип находит реализацию как в народной мифологии, так и в современной науке. В этом плане народный космос вполне изоморфен самым экзотичным построениям новейших космологов.

С инверсией правого и левого знакомится каждый ребёнок, впервые рефлексируя над чудом зеркала – открываящийся ему феномен наука называет диссимметрией. Это понятие означает различимость левого и правого. Диссимметрия разнообразно проявляется в народной модели космоса. Приведём три впечатляющих примера:

1) Крещенский вечер. Домашние ушли на водосвятие. Оставшись одна, девушка подметает пол. Делает движение вправо – произносит молитву, заходит влево – громко бранится; при этом упоминается нечистая сила. Посреди пола углём проводится черта. Не трудно угадать в ней ось симметрии, маркирующую левое и правое, которым приписываются противоположные ценностные значения. Завершив уборку, девушка становится справа – в пространство, отмечённое с молитвой. Она напряжённо ожидает: на левой стороне должен появиться нечистый в образе жениха – вот-вот они столкнутся лицом к лицу.

2) В девичьих гаданиях большую роль играет так называемый *vasильевский огарок*. Это остаток обгоревшей лучины, оставшийся после новогоднего вечера. Ему приписываются защитные свойства. Во время гаданий рекомендуется очерчиваться ватильевским огарком – при этом круг обводится *супротив солнца*: слева направо. А вот *расчёряются* в противоположном направлении: по-божьи – или посолонь; то есть *справа налево*. Альтернативные движения знаменуют неравноценность правого и левого. На правой стороне сосредоточен свет – тогда как на левой сконцентрирована тьма. Сочетание в одном действии двух по сути антагонистических движений нагляднейшим образом проявляет структуру столь характерного для Русского Севера двоеверия.

3) Ночь на Ивана Купалу. Сейчас зацветёт папоротник – легендарная Арат-трава. Мимолетно её цветение. Надо успеть добыть заповедный цветок, дающий ключ ко многим тайнам: ты увидишь клады – поймёшь призывы птиц – подружишься со зверями. Однако волшебные свойства цветок сохранит лишь при определённых условиях: его следует взять вместе с корнем – причём землю вокруг стебля надо обвести ножом *супротив солнца*. И здесь мы видим сознание того, что совершаемая акция греховна – в самом точном пространственном смысле она совершается наперекор божественному порядку вещей. Это характерно для двоеверия: человек балансирует между левым и правым – но в конечном итоге всё же становится на правую сторону.

Инверсия мужского и женского – travestирование – искони считалось греховным делом. Оно осуждается ещё во Второзаконии /22:5/: «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье». С этой точки зрения процессы маскулинизации и феминизации, нивелирующие стиль одежды при полном игнорировании пола, должны считаться за-

ведомо безблагодатными. Ряженые размывает половой диморфизм. На Русском Севере бытовало колоритное слово «шуликане». Вот как его значение раскрывает выдающийся этнограф П.С. Ефименко: «*В свяtkи переряживаются. Этот обычай состоит в том, что делаются шуликанами, т.е. мужчины меняются одеждой своей с женщинами, а женщины с мужчинами*»³². Травестизм широчайшим образом применяется в карнавальной маскировке. Этнографы усматривают в нём следы аграрной магии, направленной на идею фертильности: всемерно усилить плодоносность и земли, и человека. Содействовала ли карнавальная амбивалентность полов углублению их взаимопонимания? Травестия требует настоящего артистизма. Известно много случаев, когда травести влюблял в себя людей своего пола – и разоблачение обмана становилось в данном случае новым источником комизма. Если травестизм поначалу действительно был связан с карпогонией, то карнавальное ряженье убедительно показывает, как мистическое со временем превращается в комическое. Здесь уместно вспомнить удачное определение Н.Н. Евреинова: м и с т и ч н о – шут о ч н о³³. Оно адекватно для характеристики многих празднично-игровых инверсий.

М.М. Бахтин подробно исследовал инверсию верха и низа в карнавальном действе. Этот приём, встречающийся в празднествах многих народов, восходит к Вавилону: там существовал обряд замещения царя рабом. Подобное шутейство мы встречаем и в русском ряженье, для которого инвариантны многие черты карнавала. Рокировка верха и низа – перекидка на 180 градусов социальной лестницы – могла иметь социальную подоплеку, неся в себе элементы сатиры. Рядясь под барина, ревизора или станового, простой крестьянин акцентировал в своих героях негативные черты, достойные осмейания.

Спектр игровых инверсий весьма широк – вот некоторые диады из его ряда: старики – дети, люди – животные, здравствующие – умершие, человеческое – бесовское, мирское – духовное и т.д. Часто рядились в представителей другой этнической принадлежности. Например, в цыган, осятков, татар, турок, испанцев. Несмотря на стремление вызвать комический эффект, подобное ряженье исподволь поощряло толерантность. Игровые инверсии работали на расширение сознания. Они вносили в мышление простых людей диалектический момент. Ведь это искони интересовало философию: взаимопревращение противоположностей – их переход друг в друга. В инверсиях бурлескного праздника нашла своё воплощение стихийная диалектика – мы видим увлекательную игру альтернатив, эквилибристику тез и антitez, эскападу рокирующихся полярностей. Мышление в этих головокружительных играх обретало бесценное качество всевмещения.

Испод – изнанка – выворот: народ видел космос не только с лицевой стороны – ему открывалась и его наоборотная составляющая. Пусть это было не откровение или прозрение, а своеобразный мифогенез, основанный на логике противоположений: если есть смерть – то есть и бессмертие, если в этом мире невозможен полёт – то он реален в альтернативной Вселенной, если здесь любой источник энергии оскудевает – то обязательно существует страна, где не в диковинку и рог изобилия, и скатерть-самобранка, и бутылочка-самоналивайка. Нас сейчас интересует не генезис игровых инверсий, а их ме-

³² Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч.2. М., 1878. – С. 138.

³³ Цит. по: Судейкин С.Ю. «Бродячая собака». – В кн.: Встречи с прошлым. Вып. 5. М., 1984. – С. 186.

сто в народном сознании, осмысленное с философских позиций. Нет сомнения, что благодаря им преодолевалась односторонность мышления, мир представлял как поляризованная целостность.

Оригинальной формой инверсии в обряде ряженья являлось выворачивание шубы наружу мехом. Это указывало на причастность иномиру. Вот примечательный исторический факт, который приводит Н.В. Понырко: на свадьбе великого князя Василия Ивановича жена тысяцкого надела на себя сразу две шубы – одну по обычью, а другую наизнанку. Можно сказать, что перед нами персонифицированная модель двоеверия – дуалистическое представление о мире нашло своё адекватное выражение в костюме. Жена тысяцкого сразу повёрнута и к светлой, и к теневой грани бытия. Воистину символическая фигура!

На Русском Севере ряженых называют *окрутниками*. Этимология этого слова указывает на кручение – обращение – оборотничество. Окрутник – значит, подвергший себя инверсии: перебросивший свои полюса – явивший миру свою подноготную. Это эквивалентно тому, чтобы встать с ног на голову. Между прочим, именно такую картину можно увидеть в ночь на Ивана Купалу, когда колдуньи или русалки совершают так называемые *пережины* – наводят порчу на колосящееся поле. Они движутся или на голове, срезая колосья ножницами – или катятся по ниве колесом.

В контексте нашей темы можно утверждать, что при вращении колеса постоянно происходит инверсия верха и низа – такую же перемежовку полюсов мы видим в игровых сальто и кульбитах. Говоря о двутонности карнавального слова, где сливаются хвала и брань, М.М. Бахтин приводит именно образ крутящегося колеса³⁴. Аналогом его будет бешено вращающаяся праздничная карусель. Она тоже моделирует народный космос. Левое и правое в ней постоянно меняются местами. Так устроен и круг бытия. Народ познавал его в диалектически противоречивом движении.

Б.А. Успенский пишет о том, что для праздника типичны различные формы а н т и – п о в е д е н и я, связанные с нарушением различных запретов³⁵. Без этой инверсионной антитетики праздник перестанет быть собой. Диалектическое отрицание, суть которого впервые отрефлексировал Г.В.Ф. Гегель, народ задолго до него – и без всяких философических притязаний – превратил в игровой алгоритм, действующий безотказно.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МАСКИ

Ряженые появляются на порубежья Старого и Нового года. Это относится и к солнечному (Святки), и к лунному (Масленицы) календарю. По причине сдвигов, связанных с изменением в отсчёте времени, Новогодье на Руси как бы продублировалось, сохраняя в обоих случаях свою главную черту: это переходный период – поэтому границы между разными уровнями бытия утрачивают качество непроницаемости. Они делаются пористыми, прозрачными. Вот почему через них в наш мир легко проникают представители иномира. Взаимодействие двух сфер, обычно изолированных друг от друга, становится предельно активным. Среди народа бытует такое представление: во время святочного гадания девушку может затянуть в себя иномир – зеркало становится засасывающим люком. Для этого мира девушка пропадает навсегда.

³⁴ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 477.

³⁵ Успенский Б.А. Избранные труды. Т.2. М., 1996. – С. 67.

А оттуда – из потаённых измерений – в наш мир приходят ряженые. Это условная игра? Но в том-то и дело, что на Святки условное и безусловное, действительное и мнимое, реальное и ирреальное, подлинное и виртуальное обнаруживают свою парадоксальную амбивалентность. Они диффузируют друг в друга. Конечно, это можно считать субъективным ощущением, но именно оно обретает в святочные дни своего рода онтологичность. Люди оказываются в особом пространстве-времени, где позаботились о том, чтобы критерии реальности внутри него стали предельно относительными – пользоваться ими затруднительно. Вот навстречу тебе идёт ряженый. Быть может, это твой сосед, но подобная мысль не придёт тебе в голову. Никаких розыгрышей! Всё происходит по-настоящему. Это и значит: *жить в мифе*. Он становится твоей средой – задаёт твои координаты – заявляет себя как явь. Думается, психология пока не имеет адекватных категорий для того, чтобы описать это состояние. Было бы крайне поверхностно видеть в нём самовнушение. Скорее здесь генерируется – на основе глубинных архетипов – некая особенная действительность, когда бессознательное проецирует себя вовне, если не материализуя, то всё же как-то закрепляя свои образы. Ряженые идут! Это вовсе не комедианты, а гости из иного мира. Загадительные препоны сняты – начинается коммуникация двух миров.

Ряженые, машкарованье: удастся ли выяснить генезис этого удивительного явления? Его семантика на редкость многослойна. Первичный слой вряд ли может быть выделен с однозначной достоверностью. Несомненно, что ряженые связаны с укреплением личностного начала в человеке: надеть маску – значит, в каком-то смысле отказаться от себя, аннулировать свою самость. Это социально-психологический подход к проблеме. Но контрверзой к нему будут данные биологии: притворство известно не только среди высших животных – оно встречается даже у насекомых. Один из жуков носит название *притворяшка-вор* (*Ptinus fur* L.). Изумительные примеры игровой маскировки даёт феномен мимикрии. Полагая, что какие-то прагменты ряженья имеют биологические корни, мы всё же высказываем такое мнение: изобретение маски – индикатор того, что в человеке пробудилась личность.

Ряженые со всей убедительностью показывают: человек не есть некая зас্তывшая константа – он может меняться. И меняться радикально! Машкарованье есть род метаморфоза. Человек превращается, преображается, трансформируется. Он текуч и процессен. Не желая застывать в заданных формах, он может сломать их рамки – и свободно принять иное обличье. С.А. Токарев пишет: «ношение маски сообщает человеку некое «инобытие», некое отрешение от собственной личности»³⁶. Человек универсален. Будучи микрокосмом, он воплощает анаксагоровский принцип «всё во всём» – поэтому амплитуда его превращений невероятно широка. Попробуем выяснить историю маски. Опорой для нас будут идеи А.Д. Авдеева³⁷.

Возможно, что начало маски связано с промысловой магией – человек рядался в зверя, дабы заманить его. Пусть предметом охоты будет медведь. Охотники мимикрируют под него. Когда медведь становится тотемом, то маска меняет свою семантику, указывая на двойственность человека: ведь и он сам одновременно – медведь. Или ворон, лисица, лягушка: маски будут соответствовать этим тотемам. Быть может, именно на этой фазе праистории родство человека с природой ощущалось наиболее глубоко и непосредственно – ведь

³⁶ Календарные обычай и обряды в странах зарубежной Европы. М., 1983. – С. 192.

³⁷ Авдеев А.Д. Маска. МАЭ. М.-Л., 1957, XVII; 1960, XIX.

он ещё не покинул её лона. Через сколько тысячелетий появится дарвиновская теория превращения видов? Но миф по сути предвосхищает её. Он вновь обнаруживает свою эвристичность.

На Русском Севере ряженые часто облекались в медвежью шкуру. Маска медведя была в числе самых популярных. Являлось ли это отголоском тотемного сознания? Вообще у северян отношение к медведю было особое. В.П. Даркевич отмечает: «Скоморохов-медведчиков поставляла Новгородская земля (северо-запад Руси традиционно считался центром скоморошества)»³⁸. Связь с язычеством здесь двойная: через скоморошество и культ медведя (пусть уже редуцированный до уровня потешного зрелица). Имея в виду ряженые под медведя, И.А. Морозов и И.С. Слепцова отмечают «агрессивно-устрашающую функцию этой маски»³⁹. Но что призван оборонять ряженый? Кого он защищает?

Тотемная маска со временем превращается в маску предка. Этим изменением смысла отмечено появление родового общества. Человек задумался о своей посмертной перспективе. Не стала ли маска предка первой заявкой на воскрешение? Медведь мог превратиться в стражу царства усопших. Это гипотеза. Но какая-то связь медведя с загробным миром весьма вероятна. Если ряженые – гости с того света, то медведь может быть их провожатым-охранником. Да и самим им эта маска привычна. Она поможет оставаться неузнанными.

Маска продолжает свою эволюцию. С распадом родового общества за ней стали скрываться невидимые духи. Они как бы проявляли себя через маску. Трансцендентные планы бытия занимают всё большее место в сознании человека. Видную роль в социуме начинают играть шаманы. Они отчётливо прозревают: ствол Мирового Древа уходит в заоблачную высоту – подняться туда непросто. Кто здесь может дать пример? Белка – поползень – медведь: вот отличные древолазы. Шаманизм не оставляет медведя без внимания.

На следующей ступени – она маркируется появлением раннеклассового общества – появляются мистериальные маски. Знаменитое вождение медведя: не есть ли это реликт архаической мистерии? Общество продолжает прогрессировать. И вот рождаются маски нового типа: они обслуживаются интересы театра и карнавала.

У северной маски – богатая память: мы пытались выявить её внутренние напластования. Правомерно утверждать, что маска достигла карнавальной ступени, когда в ней обозначился момент чистой развлекательности, но при этом она отчётливо сохранила многиеrudименты своего прошлого. Несомненно, что эти архаические черты связаны с культом предков – имеют манистический смысл. Маску часто заменяют чернением лица сажей. Это прямое указание на связь с миром мёртвых. Во многих языках «маска» одновременно имеет значение «смерть» и «предок». Для святочной обрядности типичны так называемые покойницкие игры – вот как одна из них, по свидетельству этнографа Г.К. Завойко, протекала в деревнях Северо-Восточной Руси: «Мужчина одевает всё белое, лицо покрывает платком или надевает деревянную долблённую маску». После этого его «везут в беседу оплакивать, заставляют девок подходить прикладываться к покойнику»⁴⁰. Эта игра считалась рискованной. Поэтому ряженые

³⁸ Даркевич В.П. Светская праздничная жизнь Средневековья IX-XVI вв. М., 2006. – С. 113.

³⁹ Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX-XX вв). М., 2004. – С. 238.

⁴⁰ Завойко Г.К. В Костромских лесах по Ветлуге-реке. – В кн.: Труды Костромского науч. Об-ва по изучению местного края. Этнограф. Сб. Вып. VIII. Кострома, 1917. – С. 24.

ные бросали жребий: кому принять обличье мертвеца? Игровое грозило перейти в реальное. Атмосфера страха сопутствовала *покойницким играм*. Когда этот страх достигал экстремума, то напряжение снималось внезапным смехом – его витальная энергия разряжала ситуацию. Даже несмотря на элементы истерии, этот смех являлся торжеством жизни. Раскаты хохота приносили свободу от страха смерти. В них была воскрешающая сила: покойник вскакивал со смертного одра – и пускался в шутовской пляс. Это языческое предвосхищение пасхального ликования? На игровом плане народ решал бездонную экзистенциальную проблему жизни и смерти. Он философствовал в своих играх, касаясь крайних точек бытия: и провала в чёрную ничтойность – и упоительных высот вечности. Итогом его исканий стала стихийно выношенная мысль о том, что смерть и жизнь амбивалентны – их надо принимать в неразрывном единстве. Маски ряженых отразили эту диалектику.

В.Я. Пропп напоминает по поводу святочных масок быка и козла: высказывалась гипотеза, что они восходят к культу Диониса. Такую генетическую связь В.Я. Пропп считает маловероятной⁴¹. Тем не менее типологическое и функциональное сходство тут налицо. Бык и козёл были символами производительности. Посвящённые им маски надо соотнести с культом плодородия. Но мы знаем, что он закономерно связан с культом предков: находясь под землёй, они содействуют накоплению ею вегетативных сил – незримо содействуют плодородию и чадородию. Сколь замечателен диалектический контрапункт машкарованья! Маска многогранна. Она поворачивается то к тотемным представлениям, то к миру усопших, то к аграрной магии. Хочется сказать, что за маской стоит один ноумен – но его феноменальное проявление многоипостасно. Затаённое ядро бытия раскрывается веером внешних проявлений. Все они внутренне связаны. Меняя маски, я обнаруживаю свой потенциал и способность к росту; совмещая маски, я свидетельствую о том, что достиг полноты самоосуществления: во мне представлены все аспекты жизни – свет и тьма, мажор и минор, радость бытия и ужас небытия.

Маска изначально содействовала человеческой свободе. Она была средством защиты от тех, кто покушался на самобытность личности, используя тёмные силы сглаза и порчи. М. Забылин пишет: «Маски известны с глубокой древности, ещё в оргиях Бахусовых надевали личины, чтобы избавить себя от чарования»⁴². В более позднее время маска стала средством вынужденной обороны от нивелирующей силы социума: мы надеваем угодную тирану личину – но внутренне остаёмся самими собой. Однако маска приходила к нам на помощь и тогда, когда мы стояли перед обратной необходимостью: выйти из-под пресса собственной личности – отдохнуть от себя, от своих стереотипов – примериться к чужому амплуа. Сейчас мы переходим в карнавальное измерение маски. Сколько в нём простора и воли! Это право человека: отрешиться от собственной персоны – испытать восторг самозабвения – попробовать стать чем-то или кем-то другим. Здесь перед человеком открывается необъятный спектр карнавальных метаморфоз. И здесь с новой неожиданной стороны себя заявляет его универсализм, его всевмещение.

В карнавально-игровом машкарованье человек добровольно отказывается от абсолютности своего эго. Эта абсолютность замещается бахтинской «весёлой относительностью»⁴³. Не хочу самотождественности – желаю самоотрица-

⁴¹ Пропп В.Я. Цит. соч. – С. 136.

⁴² Забылин М. Русский народ. Кн.1. М., 2004. – С. 17.

⁴³ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 48.

ния. Ведь это парадоксальная форма самоутверждения через *вызов своему и приятие чужого!* Анаксагоровская гомеомерия, заключённая в моём «я», благодаря карнавалу расцветает всей амплитудой своих потенций, открывая мне путь неограниченных метаморфоз. Свобода требует движения, которое останется чистой механикой, если в нём не будет творческих превращений. Карнавал обеспечивает такую свободу. Он обрушивает все иерархические лестницы, дабы ничто не препятствовало моим трансформациям. Я могу стать и червём, и Богом. Лестница существует, о которой говорил Пико делла Мирандола в своей «Речи о достоинстве человека», встроена в карнавал. Причём она может вращаться как мельничные крылья! Я то внизу, то вверху. Маски меняются молниеносно. Всё во мне – и я во всём.

Маска дарует двойную свободу: от себя самого – и от социальных табу. С.А.Токарев говорит о «карнавальной этике» – она давала возможность «делать под маской самые смелые вещи»⁴⁴. Как видим, маска многофункциональна: она может занять как оборонительные, так и наступательные позиции; она выполняет роль связного между мёртвым и живым; она генерирует смех, повышающий плодородие; она работает на личность – и аннулирует её.

Маска есть детище языческого сознания. Церковь враждебна к машкарованию. Лука Жидята говорит: «Масколудство вам, братия, не лепо имети»⁴⁵. Коричная книга 1282 г. напоминает, что святые отцы «не повелевают моужем облачatisя в женские ризы, ни женам в моужьсвяя, еже творят в праздьники Дионисовы пляшюще, ни лиц же косматых възлагати на ся, ни козлих, ни сатоурьских»⁴⁶. Прещения строгие! Но вот забавный случай из русской истории. Иван Неронов, ревностный противник машкарованья, был избит ряжеными, выходившими из дома вологодского владыки. Двоеверие порой задевало и церковные верхи. Об этом интересно пишет Н.В. Понырко в статье «Святочный и масленичный смех»⁴⁷. Она напоминает о том, что за неделю до Рождества спрятывалось *пещное действие* – халдеи, мучители трёх отроков, вскоре становились святочными ряженными. Таким образом, они жили сразу в двух горизонтах: языческом и христианском. Это вовсе не двуличие, а органичное, внутренне самосогласованное двоеверие, адекватное той двумирности, которая чётко означалась в архитектонике карнавала.

Максарад предполагает переодевание. Но что мы читаем в Минее служебной на 7 января? Невещественный Бог «в плоть вещественну оделся». Вдохновлённая этими словами – и подхваченная мощной инерцией бахтинского карнавала – Н.В.Понырко начинает говорить о Боговоплощении в терминах машкарованья: «Бог рядится в человека, человек – в Бога»⁴⁸. Это вполне адекватный перевод. У язычества и христианства имеется немало общих архетипов. Здесь надо видеть один из источников двоеверия.

Христианство утвердилось в мире как религия, наиболее непримиримо относящаяся к смерти – попирающая её. Но святочное машкарованье решает аналогичную задачу. Нас может поразить сочетание в нём иномирной и сексуальной символики. Как именуют ряженых на Русском Севере? Умрунами – белохами – беляками. Эти номинации прямо указывают на мир усопших. Почему же

⁴⁴ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. – С. 191.

⁴⁵ Цит. по: Фаминцын А.С. Скоморохи на Руси. СПб., 1889. – С. 85.

⁴⁶ Цит. по: Калинский И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. Зап. РГО по отд. этногр. СПб., 1877, т.7. – С. 345.

⁴⁷ Понырко Н.В. Цит. соч. – Сс. 157-158.

⁴⁸ Там же. – С. 170.

пришельцы из иномира, где успокоились все страсти, затеваются рискованную игру, в центре которой оказывается фаллическая символика? Танатос в машкарованы оказывается напрямую связанным с Эросом. Народ предвосхищает З. Фрейда. В пору Святок формируются брачные пары. За ними следует мясоед – на него приходятся свадьбы. Разве греческий Аид не содействовал весеннему приливу жизни? Нечто подобное мы видим и в России. Умруны выполняют продуцирующую функцию. Этот свет желает заручиться поддержкой *того* света – они как бы заключают между собой святочный союз, дабы совместно обеспечить продолжение жизни. Загробный мир страшит. Но машкарованье в конечном итоге высвечивает его: мы убеждаемся, что гости из иномира приходят с благими целями – усиливают зиждительную энергию Эроса.

КОСМОГОНИЯ ПРАЗДНИКА

Это современная терминология: мир накапливает энтропию – в нём растёт амортизация – его разнообразие нивелируется. Второй закон термодинамики, говорящий об этих печальных тенденциях на языке уравнений, был открыт в XIX в. Но культура давно знает: космос *ветшает*. Правда, в отличие от науки она считает этот процесс обратимым – космос можно *обновить*. И человек должен в этой акции принять самое деятельное участие.

Вспомним космос Гераклита: он ритмично возгорает и угасает. Философ предугадал борьбу антиэнтропии и энтропии. Вечное противоборство мыслитель из Эфеса замкнул в циклическое кольцо. За космологией Гераклита стоит архетип *вечного возвращения*. Он питает многие мифы. Вспомним о вдохе и выдохе Брахмана. Вспомним сказочного Феникса. Вспомним чудо живой воды.

В космосе русского народного праздника отчётливо проплывает этот же архетип. На исходе Старого года учащаются прорывы хаоса. Прежние связи ослабли – структуры утратили прочность – крепь обветшала. Близость распада становится очевидной. Ждать ли конца, сложа руки? И вот здесь народная термодинамика вступает во взаимодействие с народной синергетикой! Миф снова предваряет науку. На этот раз он забегает в XXI в.

Как можно трактовать праздник с позиций синергетики? Это своего рода аттрактор, вносящий организующие импульсы в хаосогенную среду – вокруг него образуется новый космос. Красотой он превзойдёт своего предшественника. Однако что выступает в роли аттрактора? Игра – обряд – ритуал. Это знаковые системы. Собственная их энергия ничтожна. Но здесь важна информация, а не энергия. Если самый слабый информационный сигнал попадёт в унисон бытийным основам, то чудо восстановления, возрождения, воскрешения может обрести грандиозный масштаб. Мир рождается заново. Пусть это произойдёт на символическом уровне, но механизм, описанный нами, точно так же работает и на материальном плане. Синергетика охватывает и физическую, и ментальную реальность. Нельзя исключить, что народная космокреатика предвосхищает ту ступень человеческой эволюции, когда мы примем на себя функцию демиурга и начнём творить новые миры, вызывая направленные флюктуации вакуума.

Космос в своём зрелом состоянии имеет надёжную защиту от хаоса. Всё тёмное, разрушительное оттеснено за его горизонт. Естественно, что хаосогенной считается нечистая сила – хотя она постоянно проникает в пределы космоса, но всё же её вторжения носят локальный характер. Иное дело – пора Святок. Предание говорит: возрадовавшись рождению Сына, Бог-Отец дал нечисти полную волю – и вот мы наблюдаем её полный разгул. Всё будет

пресечено в день Крещения. А пока хаос берёт верх над космосом. Можно сказать так: изоляция между миром и иномиром в эти дни теряет всякие признаки герметичности – и в широкой полосе происходит своего рода диффузия этих уровней реальности.

Особое время! На него опять-таки хочется посмотреть с позиций синергетики. Ей известна такая ситуация: система должна прийти в хаотическое состояние, дабы в ней заработал механизм самовосстановления. Наши апелляции к синергетике – вовсе не метафорические параллели. *Народная синергетика*: это реальность, требующая изучения. Пускай синергетический процесс тут протекает в символическом пространстве, но мы видим его универсальные алгоритмы, работающие на любом субстрате – как вещественном, так и знаковом.

Космос разладился. Он всё время даёт сбои. Любые паллиативы бессмысленны. Продуктивна другая стратегия: не латать расходящуюся по швам мировую ткань, а пересотворить её заново, подвергнув уничтожению всё ветхое. Новый год знаменует собой рождение нового космоса. Череда зимних праздников – это космогонический процесс. Вот его замечательная черта: люди участвуют в сотворении мира – они не пассивные созерцатели, а активные участники космогенеза. И ещё существеннейший момент: космос пересоздаётся на игровой основе.

Конечно, же народная космология – прежде всего факт поэзии: главным конструктивным элементом здесь являются метафоры. Народ метафорически уподобляет космогенез различным трудовым процессам, которые хорошо знакомы ему по собственному опыту – прежде всего это прядение, ткачество, плетение, а также действия, для которых характерно круговращение: помол муки, сбивание масла и т.п. Вся эта человеческая деятельность экстраполируется на космос. Метафора следует за метафорой. Да, перед нами поэтические тропы, но внимательный взгляд способен увидеть за ними системные аналогии. Вспомним тектологию А.А.Богданова. Она выявляет общие принципы формообразования для всех уровней бытия. Труд – и космогенез: тектология способна обнаружить немало инвариантов между ними.

Нить жизни является одним из универсальных архетипов земной культуры. Её символизирует обычная нить. Мировое веретено вращается непрерывно. Земные веретёна вторят ему – тут получается дивный унисон: вселенское вращение повторяется во множестве аналогичных процессов малого масштаба. Но в критические дни лучше не заниматься прядением! На него накладывается табу. Земные диссонансы, вызванные прорывом хаоса, могут отразиться на всём космосе – и *нить жизни* окажется под угрозой. Сколь философичны эти представления! И как они опережают время! Под мифологической оболочкой скрывается синергетическая по своей сути концепция о связи малого и большого. Слабый сигнал – его источником может стать человеческая деятельность – способен вызвать последствия, разрушительные для Универсума. Народ озабочен охраной космоса. И берёт на себя ответственность за него. Это ли не пролегомены космической этики?

На Святки нельзя ни прясть, ни ткать, ни плести. Табуируется работа на мельнице. Останавливается гончарный круг. В этой установке на временное недеяние тоже отчёгливо просматривается синергетика: не нужно силового воздействия, дабы поправить ситуацию – полезнее положиться на спонтанность. Самоорганизация более оптимальна, чем принудительная организация, направленная извне. Лучше довериться естественному течению событий. И всё же космосу можно помочь. Но только очень тонко. Опосредованно. Через игру.

Здесь народный праздник делает абсолютно гениальный ход! Трудовые процессы, табуированные в их натуральном виде, переводятся на символический план: их продолжает игра. По-настоящему нельзя – а понарошку можно! Это «понарошку» – тоже синергетика: энергетическое здесь заменено информационным, вещное – знаковым.

Хоровод – космологичен.

Он воспроизводит вращение мирового круга.

И вот как называются святочные хороводы: «ручеёк заплетать», «завивать венок», «в жгуты», «масло мешать» и т.п. Как видим, хореография тут строится на движениях, связанных с плетением, завиванием, кручением, вращением. Все эти движения имеют космогенетический смысл. Как выглядят святочный хоровод с позиций синергетики? Это типичный аттрактор, организующий хаос, который окружает его. Хоровод хочет передать обветшавшему космосу свою витальную динамику. Игра плетёт и завивает. Пусть космос переймёт эти движения от игры! Если на них посмотреть тектологически, то становится ясно, что они связывают, удерживают, укрепляют. Это созидательные движения.

Подчеркнём ещё раз необычность обстановки: настоящая мельница бездействует – тогда как её игровое подобие совершает круговращение. Тут есть несомненное сходство с симпатической магией. Но первенствует оригинальный момент – и это грандиозность масштаба: игра – пусть и с оттенком магического действия – даёт пример всему космосу, выводя его из состояния упадка. Праздник хочет подзадорить уставшую Вселенную? Это у него получается.

М.М.Бахтин отмечал, что в празднике находят отражение *кризисные и переломные* моменты как мирового, так и человеческого бытия⁴⁹. Новогодье как раз является таким кризисом и переломом. На особое значение кризисных ситуаций обращает внимание синергетика. Часто именно они ведут к мобилизации творческих сил. Святки – переходная полоса: ослабевают и скрепы космоса, и рамки социума. Контроль со стороны законов – и космических, и социальных – фактически сходит на нет. Хаос надвигается со всех сторон: из теневого иномира – из тёмных глубин человеческого бессознательного – из попустительства антиобщественному поведению, которое столь характерно для Святок.

Мы имеем в виду так называемые *святочные бесчинства*. Опрокинуть чужую телегу – завалить ворота – залить трубу: это похоже на обычное хулиганство. Почему же общество терпимо относится к нему? Очевидно, в этих акциях, которые всё же не являются слишком разорительными, находят выход отрицательные энергии – это даёт некоторые гарантии, что молодёжь попридержит своё буйство на ближайший период. В святочном разгуле есть профилактический или превентивный смысл. Благодаря этой порционно отпущенной свободе происходит психологическая регуляция социума. Конечно, выбранные для этого методы могут показаться спорными, но есть основания полагать, что они оправдывали себя.

Хаос постепенно преобразуется в космос. Как начинался хоровод? Вначале он был похож на какое-то беспорядочное брожение. Перебор партнёров происходил на основе случайности. А что мы видим в finale? Красиво заработала система чёткого формирования пар! Произошёл переход от иррегулярного к регулярному, от произвольного к закономерному, от аритмии к ритму. Параллельные преобразования синхронно осуществились и в космосе. К нему вернулись и стабильность, и собранность.

⁴⁹ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 14.

Хаос ещё не сдал своих позиций, но наперекор ему парни и девушки затевают азартную игру, чья эротическая окраска очевидна: по полу они расстилают солому – и начинают кататься по ней. Игра называется так: «*завивать девушки в солому*». Завивание – космогенно. Опять-таки повторяется движение, существенное для мирового порядка. Катаются по 1-3 пары. Здесь магическая подоплётка тоже просматривается: делается попытка воздействовать на будущий урожай – обеспечить его обильность.

В народном символизме солома указывает на ветхость. Девушки в соломе – как живые зёрна: им суждено прорости новью. Эта антитеза соломы и зерна имеет евангельские корни. Читаем в Евангелии от Матфея: «...и Он очистит гумно Своё, и соберёт пшеницу в Свою житницу, а солому сожжёт огнём не-угасимым» /Мф 3:12/. Н.В. Понырко замечает: «*Зерно и солома – два полюса одного амбивалентного образа*⁵⁰». Скигая соломенную Кострому, народ прощается со всем ветхим. Весёлый праздничный огонь действует избирательно: испепеляет мёртвые стебли – щадит живоносные семена. Замечательно, что космогония народного праздника связана с аграрными интересами – через магическую обрядность закладывается плодородие земли. Другая цель – ча-дородие: формирование будущих пар – существенная часть космогенеза. Вот эта вписанность человеческого существования в космический контекст больше всего впечатляет. Космос – и поле, космос – и хлев, космос – и спальня: эти связи могут показаться неожиданными, но они реально существуют в мифопоэтическом сознании народа.

Как помочь становлению нового космоса? Святочные запреты, действительные для обычных людей, не распространяются на ряженых и на гостей из ино-мира: кикимор, леших и пр. Понаблюдаем за поведением ряженого. Вот он ложится на лавку – накрывает себя пологом – у него в руках горшок с камушками – он перемешивает их вращательным движением. А другой ряженый кидает в девушек снегом из лукошка. Будто мука пылит. Имитируется помол: одна из операций, на которую наложено святочное табу. Прорезонирует ли она в космосе? Народ верит в результативность своих обрядов.

На Святочные приходятся самые интересные гадания. Почему народ считал, что именно в этот период облегчается связь с будущим? И возможна ли таковая? Одним из важнейших обретений синергетики является реабилитация дальнодействия – сверхсветовой связи, в результате которой следствие опережает причину: благодаря этому можно получать информацию из будущего. Было бы чистой спекуляцией утверждение, что в святочный период реально проявлялось дальнодействие, но запутывание причинно-следственных связей, характерное для состояния хаоса, в принципе могло этому способствовать.

Загадывались судьбы – загадывался урожай – загадывалась любовь.

Это особая тема – *народная телеология*. Вне всяких сомнений: космос русского крестьянства телеологичен – это значит, что в него встроены цели, действующие из будущего. Гадания были попыткой – в обход причинности – выявить эти цели. Поразительно разнообразие гадательных процедур. Казалось бы, широкая практика гаданий должна была усиливать фаталистические интенции в народном сознании, но русский человек всегда был готов оспорить мрачные предсказания. Судьбу можно не только узнать, но и поправить, скорректировать. Гадания не всегда означают веру в рок. Об этом свидетельствует интересный обычай, приходящийся на Васильев день, которым завершается старый и начинается новый цикл. Есть такое понятие в этнологии: *магия пер-*

⁵⁰ Понырко Н.В. Цит. соч. – С. 167.

вого дня. Он как бы программирует будущее. Обильная еда в этот день – гарантия счастья на весь год. И принарядиться в этот день надо побогаче – не будешь знать никакой нужды с одеждой.

Обряд посева – трапеза с кесаретским поросёнком – полночное встравливание яблонь: все эти действия имели значение закладки нескорых, но заранее обеспеченных успехов. Этой цели служит и важнейший обрядовый обычай Васильева дня: сварить кашу – и потом, на основе оценки её качества, сделать вывод о том, каким будет наступающий год. А если Васильева каша не удалась? Тогда её бросали в прорубь! И этим аннулировали нежелательный прогноз – выражали несогласие с предопределением. Какой же здесь фатализм? Пусть на уровне обрядовой символики, но народ пытался воздействовать на судьбу – подчинить её своим интересам. Заметим, что прорубь в мифопоэтической модели мира – средоточие или связка между двумя уровнями бытия: посюсторонним и потусторонним. Бросание каши в прорубь – своеобразное жертвоприношение: в этой акции народ сносится с инобытием – и через его посредничество пытается отрегулировать ход событий. Схематизируем суть происходящих действий:

1) гадание на *vasильевой каше* приводит к получению из будущего информации, которая вызывает обеспокоенность;

2) граница между миром, где будущее скрыто и миром, где оно известно, соответствует порубежью двух уровней реальности;

3) именно на этом порубежье совершается жертвоприношение, которое соответствует попытке через специфическую обратную связь воздействовать на будущее, дабы внести в него требуемые изменения.

Попробуем эту схему, абстрагированную от всей конкретики, соотнести с данными современной науки. Что необходимо для того, чтобы – в обход причинности – войти в связь с будущим?

1) Такая связь в принципе возможна для двууровневого космоса, где Предзеркалье является досветовой (тардионный) мир, а Зазеркалье – сверхсветовой (тахионный) мир;

2) как видим, границей между двумя мирами является эйнштейновская константа – скорость света;

3) пересечение этой границы приводит к инверсии причинности, что формально делает возможным не только получение информации из будущего, но и воздействие на него; весьма вероятно, что прорыв в сверхсветовую реальность возможен через чёрные дыры – эти бездонные проруби мицрозданья.

Сравнивая две схемы – мифопоэтическую и релятивистскую – мы убеждаемся в наличии между ними системного подобия. Стоит ли за ними какой-либо общий архетип, играющий в данном случае роль инварианта? Подобные гипотезы сегодня находятся за порогом научного рационализма. Однако нельзя исключить, что народная телеология ещё обнаружит свою эвристичность – и мы увидим в ней предварение новой картины мира.

За световым рубежом причинность замещается телеологией. И это делает возможным связь с будущим. В народной модели космоса фактически предвосхищена подобная ситуация. Народ интуитивно ощущал двууровневость бытия. Через его космологическую модель проходила фундаментальная плоскость симметрии, вполне аналогичная той, которая у Платона разделяла мир идей и мир вещей, а у П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева – досветовой и сверхсветовой миры. По сути это одна и та же граница. Соответствуют ли реальности эти представления? Или наш мир асимметричен? И в нём отсутствует телеологическое Зазеркалье? Эта область гадательных предположений. Но всё-таки хочется напомнить в данном контексте об основополагающем значении принципа

па симметрии. Народ стихийно использовал его в своих космологических построениях. Многое в них идёт от коллективного бессознательного, где хранятся архетипы, питающие равно и мифологию, и науку.

КАРПОГОНИЯ ПРАЗДНИКА

Народный праздник многогранен. Это и самоценное веселье, и захватывающее состязание, и зрелищное действие. Но первичным пластом в удивительной полисемии праздника залегает его магическое назначение. Можно сказать, что здесь реализуется коллективная магия, где массовость приводит к усилению желаемого эффекта. В первую очередь это относится к аграрным праздникам. Сложная обратная связь устанавливается в них между человеком и землёй. Энергия и информация тут движутся в двух направлениях:

– человек передаёт земле побудительный импульс, инициируя высокую урожайность;

– от земли к человеку идут витальные токи, призванные поддержать его производительные способности.

В этой впечатляющей системе взглядов человек и земля предстают как одна система. Их можно уподобить сообщающимся сосудам. Народная карпогония даёт основания говорить о своеобразном симбиозе человека и земли. Вместе они образуют своего рода сверхорганизм, функционирующий как единая целостность.

Идея амбивалентности жизни и смерти весьма абстрактна. Вот миссия земли: она конкретизирует эту идею – наполняет её живым и наглядным содержанием. Человека издревле заворожил путь зерна, осмысленный им как мистерия, разыгрываемая самой природой. Брошенное в землю, зерно истлевает – и вместе с тем даёт начало новой жизни. Что такое борозда – могила или колыбель? Хочется увидеть в ней *вещественный оксюморон природы*, парадоксально соединивший в себе противоположные смыслы. Земля – это *жизнесмерть* или *смертоизнь*; дополнительность значений тут настолько глубока, что проходит их сущностное слияние, которое не нашло адекватного отражения в языке. Но народ своим наитием улавливал эту дополнительность. Она облегчала трагизм смерти. А иногда и вовсе сводила его на нет. Пародийные похороны; или допустимость веселья после похорон: не здесь ли находит впечатляющее игровое выражение исследуемая нами амбивалентность? Она бездонно глубока в своей философичности. И вот мы видим, как народ овладевает этой философией – хотя не на теоретическом, а скорее на деятельностном уровне, что, впрочем, нисколько не умаляет высоты его поразительных духовных прозрений.

Лоно земли принимало в себя отходящих к вечной жизни пращурков. Как пишет В.Я. Пропп, умершие «имели над ней большую власть, чем земледелец, ходивший по ней плугом»⁵¹. Подчеркнём эту характерную для народных представлений асимметрию: люди под землёй и люди на земле различаются по степени своего влияния на землю – приоритет принадлежит умершим. Поэтому необходима постоянная и надёжная коммуникация с ними. Урожай обеспечивается с двух сторон: подземной и надземной. Поверхность поля становится своеобразным медиатором – здесь встречаются, пересекаются усилия живых и ушедших. Во имя непрерывности жизни на поле трудятся представители это-

⁵¹ Пропп В.Я. Цит. соч. – С. 289.

го и того света. Их контакт невидим. Тем не менее перед нами самое настоящее сотрудничество. Пусть это чисто мифопоэтическая картина. Однако сколь значителен её нравственный потенциал! Чувство связи с пращурами, покинувшими земной план существования, бесценно в этическом отношении. Тем более, что в данном случае это не только молитвенная, но и практическая, дающая материальные результаты связь. Живые и мёртвые – суть со-работники. Естественно, что понятие мёртвого тут предельно релятивизируется – скорее следует говорить об особой, трансцендентной по отношению к нам форме жизни. Земля является её средой, её экотопом.

Продолжим цитату из В.Я Проппа: умершие «превращались в своего рода хтонические божества»⁵². Говоря другими словами, смерть вела к необычной форме теосиса – человек становился богом. Это языческий теозис. Тем не менее нам должен импонировать его победительный пафос – не торжеством распада была в глазах народа человеческая кончина, а переходом на другую ступень существования. Подчеркнём: этот переход был подъёмом, а не снижением. За чертой гроба человек получал возможность ещё более активного, хотя и потаённого участия в жизни. *Синергия поколений*: народ верил в этот феномен – и понимал его очень конкретно. Представим себе такую картину: совершается поминальная трапеза; среди угощения первенствуют кутья и блины – ритуальная пища. Считается, что покойники едят вместе с живыми – за столом уже воцарилась вечность. Она не знает разрыва поколений – все генерации для неё существуют в единстве, как бы синхронно или одномоментно. Это очень глубокое переживание: ощущение вечности – чувство своей причастности к ней. Оно было ведомо русскому крестьянству. Напомним, что кутья готовилась из семян, символизирующих возрождение. Народная герменевтика семян – семиотика семян – философия семян: вот где раскрываются глубины крестьянской экзистенции.

В карпогонии праздника со стороны своих новых аспектов раскрывается двууровневая модель мира. Её чётко проявляет обряд *посевания*. Вот его основные моменты:

- 1) в рождественский или новогодний день – вспомним о *магии первого дня*, определяющей облик всего года – на пороге дома появляется сеятель;
- 2) он ни в коем случае не переступает порог, означающий границу своего и чужого;
- 3) достав три горсти зёрен из мешка, он бросает их в красный угол, обращаясь к хозяйке такой призыв: «Держи подол!»;
- 4) зёрна эти потом собирают и бережно хранят до посева; считается, что они обладают продуцирующей силой.

Принципиально важен тот момент, что сеятель действует из-за порога – это указывает на его принадлежность другому миру. Там предрешаются судьбы урожая. Народ и в этом обряде *трансцендирует*: выходя за грань обыденного, обращается к иной реальности. Первосущее – за порогом. Граница означена, выявлена – и на ней разворачивается мистериальное действие.

Попытаемся выявить философскую подоплёку подобных продуцирующих обрядов. Даётся установка: поддержать силу жизни – добиться её прилива, прироста. При этом считается, что жизнь в своих основаниях есть явление нездешнее, глубоко таинственное. В ней отчётливо различаются два плана: скрытый (дыхание жизни) и явный (её телесное оформление). Стихийный дуализм тут самоочевиден. У народа он имеет виталистическую окраску: корни

⁵² Там же. – С. 28.

жизни уходят за черту, разделяющую здесь и там – они залегают в глубинах иной реальности. Стихийную народную философию мы перевели на язык специальных терминов. Такой перевод вполне корректен. Он позволяет уточнить сущностное содержание народной карпогонии. Для философии жизни, на которой она строится, не трудно найти параллели в истории культуры – вот две из них:

1) исихазм исходит из того, что жизнь является одной из нетварных энергий Бога – рационально её постичь нельзя;

2) витализм выводит жизнь за рамки физико-химических законов, видя в ней загадочный фактор *X*; убеждённым виталистом был А.А. Любящев, полагавший, что ген – это платонова идея; организм в его системе взглядов – симбиоз ноумenalного и феноменального, горнего и дольнего.

Народная философия жизни по сути своей абсолютно изоморфна этим концепциям.

Двуровневая модель мира обнаруживает себя во время праздника. Мир будней – одноуровневый мир. И вдруг начинает пропасть заповедное! Вот характерное представление, связанное с культом предков – на Троицу их можно увидеть непосредственно: «у берёзок родители стоят». Троицкие берёзы, символизирующие Мировое Древо, являются одновременно элементами и поминального, и продуцирующего обрядов. Соединение этих аспектов органично для народного сознания. Земледельческий культ – и культ предков: они конвергируют в едином мироощущении. Сколь философична эта конвергенция! И как она интересна в аксиологическом плане – память предков и любовь к земле тут сливаются в целостной системе ценностей.

Удивительное свойство жизни – её неизбывная плодовитость. Самовоспроизводясь, она множится – и часто в этом наращивании своей мощи перекрывает геометрическую прогрессию. Народ абстрагировал плодовитость как свойство всей живой природы: плодоносят и растения, и животные, и люди – умножение жизни идёт во всех направлениях. Аграрные народные праздники с художественной мощью и убедительностью воспроизводят вегетативную силу жизни. Они как бы подхватывают от неё эстафету цветения, со сказочной яркостью гиперболизируя это качество.

Напор жизни переходит в напор праздника. Знаменитый бергсоновский «жизненный порыв»: не его ли улавливает праздник, трансформируя в энергию игры и творчества? Карпогония аграрная превращается в карпогонию духовную. Цветение жизни достигает своего максимума. И куда исчезает се-рая тень энтропии? Создаётся ощущение, что она преодолена полностью – что праздник нас перенёс в некий феерический мир, где нет никакого мимора. Краски праздника – формы праздника – ритмы праздника: многое тут взято у живой природы. Праздник раскрывает её потенции, направляя их в новое измерение – в мир ноосферы.

Органика праздника – витальность праздника – вегетативная мощь праздника: вот где преемственность природы и социума проявляется с предельной гармоничностью. Карнавал должен выглядеть из космоса как полыхающее созвездие. Налаживая информационные связи внутри видов и между видами, природа создаёт яркие выразительные цвета, контрастно выделяющиеся из фона. Праздник может быть понят как специфическая информация, цель которой прежде всего – выразиться, обратить на себя внимание. Природа и праздникозвучны в этом устремлении. Декором раковин – пестротой бабочек – полихромией венчиков жизнь говорит: «я – есмь». Это восклицание жизни повторяется в празднике тысячекратным эхом.

Земля как женщина – как роженица – как мать: этот метафорический ряд следует отнести к числу прекраснейших поэтических озарений человечества.

За метафорой стоит ассоциация – в ассоциации брезжит аналогия. Лоно земли – и лоно женщины: сколь смелое сближение! Оно стало основой земледельческой религии у многих народов. Культ Матери-сырой-земли у русского народа естественно связан с карпогонией. В некоторых обрядах проявляется его эротическая составляющая. Есть такое понятие в этнографии: *земледельческое сквернословие*. Удивительные трансформации переживает языческая архаика. Сегодня очень трудно увидеть в материщне отголосок заклятий, обращённых к Матери-сырой-земле – роль их была инициирующей, возбуждающей: делалась попытка форсировать силой слова зиждительную энергию земли. Оргиастический характер земледельческих праздников преследовал ту же цель.

Вяч. Иванов писал о поминальных плачах на погребальных курганах: «*эти энтузиастические обряды связывались в народном представлении с магическими целями оргиазма аграрного*»⁵³. Горе переходило в веселье – плач оборачивался смехом. Причём противоположные состояния получали своё экстремальное выражение: стенание – неистовое, ликование – безумное. Очевидно, крайности действительно сходятся – и эти эмоциональные полюса мгновенно замещали друг друга, образуя сложнейший психологический комплекс. Таков оргиазм. Замыкая противоположные токи, он был призван вызвать всплеск витальной энергии, которая направлялась в зиждительное лоно Матери-сырой-земли. Независимо от своей эротической основы, аграрный оргиастический праздник является интереснейший пример синергии, когда человек и природа приходили в некий унисон, похожий на андрогинную любовь. Они сливались в один сверхорганизм. И он плодоносил щедро, со всей полнотой самоотдачи. В аграрном оргиазме отчётливо слышна космическая нота. Точнее – биокосмическая. Земля и человек раскрываются как две грани единого космоса. В будни эти грани существуют порознь – в праздник происходит их воссоединение. Бурное, самозабвенное, экстатическое воссоединение! К этой синергии можно подойти позитивистски, отрицая её реальное содержание: иллюзия, самообман – и не более того. Однако не будем отвергать вероятие, что народ интуитивно нащупал те уровни реальности, где действительно возможен резонанс творческих сил земли и человека. Аграрная магия изучалась исключительно с этнографической точки зрения. А не стоит ли подойти к ней с позиций синергетики? Это только постановка вопроса – причём весьма рискованная. Но всё же нельзя исключить, что в колossalном опыте народа-земледельца были регистры, покуда скрытые от нашего разумения.

Трансформация обряда в игру: она прослеживается и в контексте нашей темы. Кто сегодня подумает о том, что хождение на ходулях в своём генезисе было связано с аграрной магией? Вытянись в росте – и побеги последуют за тобой. Человек даёт пример – природа следует ему. Тут что-то есть от симпатической магии: подобное откликается на подобное. Наивная архаика? Но вот иногда читаешь о психическом воздействии на рост растений. В случае с ходулями имеет место нечто схожее – только внушение тут усилено наглядным примером. Нам важна сама установка: человек и земля – со-работники. Их связь фундаментальна. Думается, что мифологические издержки в понимании и актуализации этой связи менее опасны, чем её полный разрыв.

Продуцирующее значение имело и качание на качелях. Сегодня – забава, вчера – ритуал. Природа застоялась? Её надо расшевелить – раскачать – возбудить. Качели превращаются в своего рода пусковой механизм. Или в синергетический атTRACTOR: их ритм становится побудительным сигналом – и на него

⁵³ Иванов Вяч. Цит. соч. – С. 289.

отвечает нива. У болгар был такой обычай: женщина, раскачивающаяся на качелях, держала за пазухой яйцо, важнейший атрибут карпогонии. Воздействие на землю тут проходило через сложную цепь: человек – качели – яйцо – поле. Обряд был направлен на повышение урожайности конопли.

А вот масленичное катание на донцах прядок, когда-то весьма распространённое на Ярославщине, должно было содействовать урожаю льна. Деталь от прядки словно призывала к себе будущее сырьё. Мы вправе поставить под сомнение конкретную пользу таких обрядов. Но есть ещё польза нравственная. Нам сейчас трудно восстановить мироощущение человека, у которого цивилизация не успела оборвать пуповину, связывавшую его с землёй. Эта связь породила великую культуру.

Чучело Масленицы предаётся огню. Угли потом собираются – и рассеиваются по полю. Цель здесь такая: согреть землю – дать толчок будущим проросткам. Впереди ещё и снегопады, и метели. Но о весне надо заботиться загодя. Пепел Масленицы обладает особой силой. Очевидно, его метафизическая природа имеет нечто общее с тем пеплом, из которого воскресает Феникс – карпогония включает в себя архетип «вечного возвращения». Но вот что замечательно: этого возвращения нельзя ждать сложа руки. Тут нет механического автоматизма. Нужно приложить свои силы, чтобы возрождение стало реальным – оно невозможно без твоего участия. Карпогония требует активной жизненной позиции.

Эта активность может иметь вполне натуралистическое выражение. Взмахивание руками, подпрыгивание, верчение: экспрессивные движения обладают продуцирующей силой. Как и ритуальное кувыркание по земле – катание целой общины по ниве. В этих действиях обретается самый что ни на есть непосредственный контакт с плодоносной почвой. Обряд может принять весьма экзальтированные формы. Это оргиазм в его весьма ярком и нетривиальном выражении. Согласно Т.А. Агапкиной, оргиастичность должна рассматриваться «как предмет праздничной культуры, а особенно – её ключевых, переломных моментов»⁵⁴. Мы вправе увидеть в них моменты кульминации. Праздник имеет свою динамику. Пиком здесь будет разрядка, когда считается, что цель достигнута: земля откликнулась на призыв – чрево отяжелело новой жизнью – будущее обеспечено.

В карпогонии человек раскрывается как демиург земного процветания. Он не столько хозяин земли, сколько её партнёр, строящий свои отношения с ней на чувстве любви. Земля отвечает ему взаимностью.

ПРАЗДНИК И СОЛИДАРНОСТЬ

Праздник собирает – консолидирует – связывает. Его социально-коммуникативная роль огромна. Праздник работает против отчуждения – в празднике утверждается дух солидарности. Сметая разделяющие людей перегородки и размывая иерархические градации, праздник воплощает идею равенства, но избегает при этом всего нивелирующего, обесцвечивающего, усредняющего. Праздник содействует раскрытию личности каждого участника. Это раскрытие может принять эксцентрические формы: человек получает возможность выделить себя – праздничная атмосфера создаёт наилучшие условия для самоутверждения. Но при самом крайнем эксцентризме – обычно он не выходит за

⁵⁴ Агапкина Т.А. Цит. соч. – С. 528.

игровые рамки – человек не выпадает из контекста целого. Дерзкая эскапада не делает его индивидуалистом. И сейчас, в своём подчёркнутом противопоставлении другим – он с этими другими и не мыслим без связи с ними, он ипостась великого соборного единства.

Праздник – и братство: взаимокорреляция этих понятий принципиальна. Праздник напоминает людям о том, что они вышли из общего лона – что у них общие прародители – что им нечего делить. По выражению Й. Хейзинги, праздничная игра существует «*для совместного выражения радости*» – социальность человека проявляется не только в способности к состраданию, но и в способности к сорадованию⁵⁵. Праздник аккумулирует исключительно положительные чувства. Он и впрямь осуществляет катарсис: войдя в его мистериальное пространство, человек очищается – с его души спадает короста эгоистического обосабления.

Возможно, в празднике есть элементы атавизма: в нём регенерируют состояния, когда нашими предками двигал стадный или стайный инстинкт, а личностное начало находилось в зачаточном состоянии. Но тут нет ничего плохого. Память истока обладает живительной силой. Можно сказать, что в празднике человек возвращается к этим истокам на основе гегелевского отрицания отрицания – он полностью сохраняет все завоевания культуры.

Притягательная сила огня издревле объединяла людей. Ю.В. Иванова пишет: «*Главная характерная черта ритуальных огней, особенно костров, – их общественный характер*»⁵⁶. Костёр содействует коллективистской тенденции. Замечательная традиция связана с масленичным костром: каждая семья вносит в него свою лепту – праздничный огонь символизирует единство общины. Люди возле костра обычно располагаются по кругу. Эта естественная конфигурация искони получала философическое осмысление. Собраться в круг – выйти в поле всей округой – заручиться круговой порукой: семантика ключевого слова здесь несёт прекрасные социальные обертоны.

И.А. Морозов и И.С. Слепцова отмечают, что круговой хоровод оптимально обеспечивает внутригрупповую коммуникацию – используемые в танце «*переплетения*» и «*свивания*» указывают на функцию соединения⁵⁷. Быть может, это лучшая игровая модель социальных связей, рождающихся свободно, без всякого принуждения. В.П. Даркевич пишет: «*Праздновать – значило коллективно ощущать целостность мира*»⁵⁸. Праздничный хоровод воспроизводит и эту целостность. Он отражает круговорот бытия. Социальное и космическое образуют в народном празднике впечатляющий синтез.

Школой человеческой солидарности были праздничные гуляния. Этнографы записывают: «*На Троицу приходили под Левино сюда, в Петров день – на Михнинскую*»⁵⁹. Одна деревня в день своего храмового праздника собирала жителей окрестных деревень. Коммуникативные связи охватывали широкое пространство. Приведём ещё одну запись, воссоздающую праздничную атмосферу – говорит жительница деревеньки Сидорово, затерявшейся в просторах Русского Севера: «*Там и гуляли на Троицу по улице. Все вместе гуляли. Народу было! Дак и пушкой не пробьёшь! Сходилися изо всех деревень*»⁶⁰.

⁵⁵ Хейзинга Й. Цит. соч. – С. 528.

⁵⁶ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. – С. 118.

⁵⁷ Морозов И.А. Слепцова И.С. Цит. соч. – С. 138.

⁵⁸ Даркевич В.П. Цит. соч. – С. 9.

⁵⁹ Морозов И.А., Слепцова И.С. Цит. соч. – Сс. 117-118.

⁶⁰ Там же. – С. 118.

Гулянье давало возможность показаться на людях с лучшей стороны. Эстетика превалировала. Женщины и девушки меняли платье по три раза на дню. На ткани тратились щедро: было много и кашемира, и шёлка. В мерном и плавном движении зримо проступали черты демонстрационного поведения, имеющего глубокую эволюционную историю – как ни натуралистично этоозвучит, но во время гулянья с полной силой действовал половой отбор, для которого красота – главный критерий.

Во время гуляния очень красочно и выразительно заявляла себя молодёжь. Рядами она прохаживалась вдоль деревни. Причём в этой процессии соблюдался вполне определённый порядок. Впереди горделиво выступал гармонист. Лидером шествия мог быть и бойкий плясун. Потом шли парни. Двигались они, «не прихватившись» – то есть не держались за руки. Потом следовали девушки – парами – и обязательно под руку. А за ними вился табунок детей и подростков. Как считают этнографы, ритуально организованное гуляние было «демонстрацией консолидированной молодёжной группы» – она заявляла своё единство, которое могло быть как территориальным, так и экстерриториальным – охватывать несколько деревень⁶¹. В последнем случае осуществлялся своего рода информационный обмен между поселениями. Коммуникативный круг расширялся. Внутри него обеспечивалась как интеграция, так и дифференциация. Праздник содействовал оптимальной организации социума.

Солидарность может рассматриваться как социальная проекция соборности. Высший пример соборного единения нам даёт Святая Троица. Следуя ей, мы должны преодолеть разделённость как между собой, так и в своих отношениях с природой. П.А. Флоренский писал по поводу культа Троицких берёзок: «нет определённой границы между строгим уставом церковным и зыблющимся народным обычаем»⁶². Подчеркнём: в праздновании Троицкого дня идея единения выходит за рамки социума – ею охватываются и растения, и животные. Троицкий храм становится моделью всеединства, в котором участвуют не только люди, но и вся тварь. Очень поэтичная по своему характеру солидаризация человека с природой осуществляется в обряде кумления.

Кумились между собой прежде всего девушки. Это было своеобразное посестричество. Кумящиеся давали клятвенное обещание дружбы и взаимности на всю жизнь. При этом они три раза обходили берёзку – это троекратие соответствовало Святой Троице. Нередко сёстрами действительно становились до скончания земного срока. Но часто случалось другое: союз распадался после первой ссоры. Как бы то ни было, но обряд этот очень значителен: в сиянии Святой Троицы – при поручительстве зелёной берёзки – в отношениях между девушками утверждалась любовь. Замечательно и то, что обряд распространялся на природу:

- девушки могли покумиться с самой берёзкой;
- удивляет и трогает обычай кумления с кукушкой⁶³.

Человек родился и с деревом, и с птицей. Это может показаться странным: ритуальное кормление Троицкой берёзки. Но это поэзия чистой воды! Энергия любви в недрах Святой Троицы движется от ипостаси к ипостаси по совершенному кругу. Триединый Бог согласен расширить этот круг настолько, что в его благодатную атмосферу войдут и люди, и природа. Обряд кумления совершился внутри этого круга.

⁶¹ Там же. – С. 119.

⁶² Флоренский П.А. Избранные труды по искусству. М., 1996. – С. 233.

⁶³ Русский праздник. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2001. – С. 307.

За Троицыным днём следует Духов день. В существии Святого Духа проявилась сущность Святой Троицы: она по своему образу и подобию нераздельно и неслянно соединила людей – вдохновила их на создание Церкви. Начало соборности искони соприсуще ей. Троицын день можно толковать как собор Бога, человека и природы. Народ стихийно осуществлял идею Всеединства, которую на философском уровне отрефлексировал В.С. Соловьёв.

Простой народ зачастую толковал Святую Троицу по аналогии с человеческой семьёй: Бог Отец – Богоматерь – Бог Сын. Конечно, это представление далеко от ортодоксии, но нельзя утверждать, что оно вовсе чуждо ей. Гармоничная семья в определённом смысле является иконой Святой Троицы – втотрит её нераздельному и неслянному единству, впроизводит его на земном уровне. В праздники вся община ощущает себя как семью. Особенно это относится к Троицыну дню. Как никогда, люди в этот день близки и к Богу, и друг к другу, и к природе – солидаризирующий дух праздника проявляется в полную меру.

КРУГ БЫТИЯ

Праздник замечателен ещё и тем, что проявляет – причём с предельной наглядностью – изначальные архетипы человечества. К их числу относится круг. Вспомним античность: эстетика круговых движений – доминанта его космологии. Что идеальнее и совершеннее круга? Когда И.Кеплер заменил круговые орбиты на эллиптические, то это было воспринято как катастрофа: умалена красота космоса.

Русский народ изначально вписал свою культуру в космический циклизм. Круг праздников чутко вторит мировому кругу – тут сознательно задан глубинный изоморфизм. Вспомним святилище в Перыни под Новгородом. Оно может трактоваться как космологическая модель – его структурной основой является отображение мирового круга, размеченное фигурами богов. Другим примером космологической модели, принятой на Руси, может быть кенозерская прялка. Отметим её праздничный вид – её исключительную красочность. В прялке обильно представлено круговое движение Солнца. По сути это художественно осмысленная эклиптика, сопряжённая с разнообразной символикой, включая Мировое Древо.

Мировой круг находит в празднике и конкретное, и абстрактное осмысление. Идея амбивалентности верха и низа, жизни и смерти, смеха и плача весьма абстрактна. Связав её с идеей круговорота, мы сделаем первый шаг к образной конкретности. Вот вращается чёртово колесо. Верх и низ в нём амбивалентны. Как они амбивалентны и для скомороха, умеющего ходить колесом. Эти игровые реалии крайне своеобразно – с неявным привкусом иронии – моделируют мировой круг. Игра подчёркивает момент релятивности, характерный для кругового движения. Здесь остаётся один шаг до скептицизма, который был порождён в Екклезиасте вселенским фатальным циклизмом, однако игра останавливается у самой грани, не впадая в это явно чуждое ей настроение.

Ирония, но не скепсис присуща и пародированию похорон. Ведь покойник воскреснет! И этим утверждается преобладание мажора в мировом круговороте: его невозможно застопорить в чёрной полосе смерти и небытия – он всенепременно вынесет нас к свету. Как видим, в этой игре растворена идея амбивалентности жизни и смерти, их циклической взаимосвязи и взаимообусловленности – архетип круга исподволь организует её сюжетное построение.

Вот зеркало мирового круга: девичий хоровод, вращающийся на фоне весенних трав. Вековое искусство хоровода имеет и свою поэтику, и свою философию. Хоровод может иметь самоцелью красоту организованного движения. Но порой он обогащается сложной драматургией: внутри его круга разворачивается целое действие. Впрочем, и самый простой обрядовый хоровод не лишен внутреннего драматизма – ведь он выполняет охранительные функции: внутрь магического круга не могут проникнуть злые силы. Этот круг очерчивается не мелом или углём, не вырезается ножом – его означает, чётко намечает хореография. Она философична. Как может быть прочитан танец? За оградой круга – враждебный хаос. Надо обеспечить защиту от его вторжения.

В хороводе имплицитно содержится великая установка, определяющая суть культуры: мы призваны оборонять космос – со всех сторон его обступает хаос. Замкнутая в кольцо городская стена выполняет ту же задачу. Между девичьим хороводом и стеной детинца имеется сущностное созвучье.

С истинным размахом круг бытия прорисовывает Масленица. Делала она это во время катания на лошадях. В с. Кубенское, что на Вологодчине, караван насчитывал до 800 лошадей – и двигался он по широкому кругу. Порой диаметр таких масленичных кругов достигал 25 вёрст! Это масштабное круговращение праздника можно было заметить из космоса. Какую цель оно преследовало? Сегодня кажется: веселье и только веселье. Изначальная семантика праздничного катанья оказалась забытой. Она была связана с аграрной магией: чем больше прокатаешься, тем гуще хлеба – сочнее овощи – выше льны.

Символика круга сочетала в себе и космические, и социальные смыслы. Впрочем, между ними был определённый параллелизм: повторяя организованность космоса, община тоже нуждалась в защите от разных форм распада и распада. В семиотике круга находила своё выражение взаимосвязь всех членов общины. Круг уравнивал, но не нивелировал. Внутри него ощущался уют. История всё-таки разомкнула его – и Русский Север превратился в пустыню.

Впечатляют праздники, где мотив круга дублировался, варьировался. Так, круговое катанье на Масленицу обычно сопровождалось пляской в круговую: разные орбиты – большая и маленькие – вторили чертежам ночного космоса. Такие же космические ассоциации вызывает совокупность и Троицких хороводов: каждая деревня вела свой круг – на лугу возникала дивная подвижная композиция. А это хоровод вокруг Троицкой берёзки. На девушкиах – венки. Форма венка реализует всё тот же архетип. Унисон между хороводом и венками впечатляет.

Круг бытия находится в непрерывном коловорращении. Движет его неизрекомая сила. Но всё-таки порой надо приложить и собственную энергию, дабы не ослабло, не сошло на нет вековечное движение. Масленичный круг – хороводы – венки: всё это как бы маленькие шестерёнки, передающие вращательный импульс мировому кругу. Совершая праздничные обряды, люди словно подталкивают этот круг – не дают ему остановиться. Народная магия – это магия соучастия. Мало обращается внимания на то, что она является своеобразной формой не только общественной, но и космической активности человека. За этой магией пропадает замечательная этика. Её можно назвать этикой вселенской ответственности человека.

Вращаются колёса планетных орбит – вращается мельничный жернов – вращается гончарный круг: между всеми этими вращениями имеется связь – тут действуют силы сцепления. Именно эти силы и генерируются магическим обрядом. Зодиак надёжно держит кольцо обороны. Вторым рядом здесь идёт ограда погоста. Третьим круг сельского схода. Четвёртым домашний круг. Вселенная предстаёт как иерархия кругов. Архетип многократно повторяет себя. Для вящей надёжности.

МИРОВОЕ ДРЕВО В ЦЕНТРЕ ПРАЗДНИКА

Отсвет праздника ложится и на будни. Удерживается он декоративностью, присущей народному быту. Прялка – вышивка – туесок: это праздники в миниатюре. Инвариантом здесь будет не только красочность, но и образное содержание: например, мотив Мирового Древа, который легко обнаруживается и в предметах прикладного искусства, и в структуре праздника.

Мировое Древо пронизывает собой трёхъярусное мироздание. Оно связует хтонические глубины и занебесные выси. У него много алломорфов. Это и гора, и столп, и колокольня. Сколь ни разнообразны ипостаси Мирового Древа, но их объединяет устремлённость к зениту – вектор возносящей тяги. Вот удачное выражение М.М. Бахтина: «вертикаль подъёма души»⁶⁴. Её указывает и Мировое Древо. Среди его алломорфов надо назвать и прямостоящего человека. Для северных вышивок характерна своеобразная антропоморфизация Мирового Древа – на него накладывается /или из него выступает/ образ Рожаницы. Это совмещение мотивов очень значительно. Тут находит своё выражение народный антропокосмизм – стихийно, на уровне коллективного бессознательного утверждается вселенскость человека.

Т.А. Зимина утверждает, что «в мифopoэтическом творчестве берёза выступает как мировое древо, которое является центром мироздания, универсальной моделью вселенной»⁶⁵. Речь идёт прежде всего о Троицкой берёзке. В.Я. Пропп пишет: «в ряде мест эту берёзку одевали в мужское или женское платье»⁶⁶. Данный обряд по сути повторяет то, что было сказано о вышивке: Мировое Древо вочеловечивается – обретает антропоморфные черты.

Параллелью к этому обряду будет «лиственный человек»⁶⁷. Герой праздника превращается в древо. Возможность такого превращения заложена в поэтике гротеска. Художник вдохновлялся растением – его способностью к метаморфозам. Гротеск с впечатляющей адекватностью схватывает такие характеристики бытия как становление, вечные трансформации, склонность к парадоксальной амбивалентности. Наряженная берёзка – с позиций поэтики жанра – близка гротеску. Растительное и человеческое здесь обнаруживают свою взаимопревращаемость. Две вертикали – древесная и человеческая – сходятся в одну. Жизнь поднимается к небу.

Алломорфом Мирового Древа является шест, вокруг которого на Масленицу складывают костёр. Нередко шест увенчивается колесом. На него помещают смоляки – хорошо горящие корни. Перед нами солярный символ. Его со-вмещение с образом Мирового Древа – смелый ассоциативный ход, осенявший и северных вышивальщиц. Схожую контаминацию двух мотивов мы часто встречаем в их произведениях. Случалось, что на солнечное колесо поднимался человек – в руках он держал ковш с вином и калач. Это была инсценировка жертвоприношения. Вряд ли можно усомниться в том, что за этим игровым действием стояла глухая память подлинных жертвоприношений – становясь факелом, человек возносился в небо. Направляющим отвесом для него была вертикаль Мирового Древа.

⁶⁴ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 449.

⁶⁵ Русский праздник. – С. 578.

⁶⁶ Пропп В.Я. Цит. соч. – С. 89.

⁶⁷ Даркевич В.П. Цит. соч. – С.239.

ПИК ПРАЗДНИКА

Параллелизм – излюбленный приём в устном народном творчестве: две линии – человеческая и природная – приводятся в тонкое соответствие друг с другом. Грустит человек – и берёза печалится. Радуется солнце – и человек ликует. Изумительный унисон! Хочется обратить внимание на глубинную философичность параллелизма. В своеобычной форме он утверждает единство природы и человека. Природное здесь очеловечивается – человеческое сливаются с природным. Никаких антитез и противостояний – только одни вторения и созвучья.

Две линии совместно переживают моменты подъёма и спада. Смотрите: сейчас они круто пошли вверх! И достигли своего апогея. Это пик – это предел – это экстремум. Зовётся он *макушкой лета*.

Т.А. Агапкина пишет: «*каждая из двух этих линий – природно-космическая и социальная – должна пройти эту точку наивысшего подъёма, максимально реализовав себя, после чего пойти на убыль*»⁶⁸. По мнению исследовательницы, именно эта экстремальность связывает все узы, придавая Троицким и купальским праздникам оргиастический характер. Что такое экстаз? Это приближение к экстремуму – и переход через него.

Природа знает свои минимумы и свои максимумы. Их мы видим на эклиптике. Это точки зимнего и летнего солнцестояния. Эклиптика в чём-то похожа на качель: идём вниз – идём ввысь! Человеческая душа тоже раскачивается между крайними состояниями. Пик праздника – это её полет. Её упоительный апофеоз. Её предельный восторг. Как не сказать о *максимализме праздника*? Он не терпит ничего половинчатого – скучая мера не для него – про запас им ничего не оставляется. Всё уходит в безоговорочный альтруизм самоотдачи, самодарения. Никакой утайки. Праздник максималистичен.

На своём пике природа расточительна. Широк её посев! Она подспудно знает: есть такие формы экономии, которые обернутся скучостью – сейчас надо отдать всё. Отданное вернётся сторицей. В праздник люди хлебосольны. Они одаривают друг друга. Чудесный обычай! Прижимистость не для праздника. Пик праздника в день летнего солнцеворота резонирует с пиком природы.

Праздник – сама поэзия. Параллелизмы широко используются в его поэтике. Цветущая природа достигла полноты самораскрытия – это её вершина, её кульминация – волна блаженного экстаза захватывает её. Разве человек может остаться в стороне? По закону параллелизма он тоже переживает экстатический подъём.

Экстремум – точка переворота; экстремум – причина инверсий. И вот самая дерзкая из них: стыдливое становится бесстыдным – холодок неприступности оборачивается горением плоти.

Экстремум – это безумие; экстремум – это восторг; экстремум – это самоизвращение. Праздник по кругой траектории взмывает в занебесье. В его раскрепощённом пространстве творится чудо свободной любви.

⁶⁸ Агапкина Т.А. Цит. соч. – С. 539.

II. ПРАЗДНИК И ДВОЕВЕРИЕ

ПОЭТИКА СВЯТОЧНЫХ ГАДАНИЙ

Мистерия призвана связать человека с будущим, где его ждёт чаемое Преображенение – ход времён здесь опережается настолько, что наш хронометраж теряет всякий смысл. Гадание родственно мистерии. Хотя проникновение в будущее при гадании не является глубоким. Обычно неизвестность просматривается на год вперёд. Тем не менее важно подчеркнуть мистериальный дух гадания. Как и мистерия, это настоящее таинство. Оно имеет в качестве цели пересечение двух границ: между посюсторонним и потусторонним – и между настоящим и будущим. Напомним, что в новейших космологических моделях, принимающих сверхсветовую скорость, эти границы совпадают: переход в трансцендентную реальность одновременно означает проникновение в будущее. Космос гадания неисповедимо созвучен этим моделям.

У гаданий есть своя поэтика. Именно поэтика! Они апеллируют не только к нашему мистическому сознанию, но и к эстетическому чувству. Вот пример одного из гаданий на сон: девушка делает игрушечный прутяной мостик – потом перебрасывает его через чашку с водой – чашка становится под кровать. Что предстало сейчас нашим глазам? Овеществлённая поэтическая метафора! Образ моста широко распространён в свадебной лирике. Он символизирует соединение любящих. При гадании звучат такие слова: «Суженый-ряженый, переведи меня через мост!».

Особо поэтичны святочные гадания. Время для них выбирается не случайно – граница между мирами сейчас проницаема. На всём лежит печать двузначности. Бытие становится зыбким, неопределённым – и это благоприятствует гаданию. Надо не упустить момент, когда порубежье, разделяющее этот и другой мир, становится условным. Его можно пересечь. И не условно, а натурально! Это главное для гадания: совершающий его убеждён, что он действительно попадает в другой мир – и возвращается оттуда с бесценной информацией.

В том мире всё написано наперёд. Сегодня мы сказали бы: иномир кодирует события нашего мира – создаёт их программу. Космос гадания включает в себя и телеологический, и фаталистический момент. Народ сознаёт, что чтение книги судеб – незаконная акция. Помощником тут является нечистая сила. Гадание в принципе греховно. Оно совершается с чувством вины. Что является бессознательной подоплёкой этих переживаний? В космосе христианства человек свободен – в космосе гаданий он подчинён фатуму. Вот потрясающий факт – при гадании может читаться **антимолитва**: «Не властен Бог, не благослови Христос». Гадающий хорошо понимает, что попадает в изнаночный мир. Различными действиями, которые нарочито инверсируют норму, он облегчает и ускоряет решение поставленной задачи – например, прядёт нитку *напак* (слева направо – супротив обычая), или ходит *взапяты*: задом наперёд. Так подчёркивается отрешённость от этого мира – и одновременно обнаруживается антилогика инобытия.

Огромную экспрессию несут в себе так называемые «страшные гадания». Они дают девушке возможность увидеть воочию будущего жениха. Причём ей заранее известно, что загаданный образ принимает нечистая сила – она как

бы мимикирует под суженого, делая это очень точно. Ради столь достоверной информации, чья влекущая сила вполне понятна, девушка готова нарушить заповеди, дающиеся церковью. Близкие поддерживают её в рискованных намерениях. Часто активную роль в гадании играет мать невесты. Как видим, в гадании с предельной ясностью выявляется двоеверие русского народа – однако в данном случае несомненный внутренний конфликт не является настолько глубоким, чтобы отказаться от практики гаданий. Два космоса – христианский и магический – не аннигилируют при прямом контакте: мы констатируем факт их комплементарного сосуществования. Не исключено, что двоеверие – в той его форме, которую выявляет гадание – изоморфно расширенной картине мира, где допущено дальнодействие.

Пространство гадания – это пространство иного мира: гадающий входит в него с трепетом и страхом. Разделяющим средоточием может быть отражающая поверхность. Колодец – или прорубь: народ видел в них своего рода люки, выводящие в иномир. При гадании на воде нужно было накрыться скатертью: она более чётко означала заповедное порубежье. Перед гаданием девушка снимала крест и распускала волосы. Это означало отрыв от привычной культурной среды. Впереди изначальное, первозданное. Простоволосость больше соответствует ему. Как бы мы ни относились к гаданию, но следует признать *сложность мировоззрения*, на основе которого осуществлялись попытки прорыва в будущее. Главное здесь – *чувство границы*: данное в опыте бытие имеет пределы – за ними простирается инобытие. Надо уметь нащупать эту границу – и осуществить её дерзновенное пересечение.

Романтической по своему духу поэзией отмечены гадания с зеркалом. Одно из них имело целью *приглашение суженого на ужин*. Для гадания выбиралась нежилая комната – туда приносились два прибора (но без ножей и вилок – иначе нечистый мог зарезать гадающую девушку) – зажигались свечи. Потом девушка через левое плечо смотрела в зеркало на отражение окна. Там мог показаться суженый. Он приглашался на ужин. При гадании часто использовались два зеркала, поставленных друг против друга – они пробивали два бесконечных туннеля в неопределенность будущего. Жених мог показаться в конце одного из них. Порой формировалась такая система: зеркало на шестке + зеркало на месте выюшки + печная труба, становившаяся каналом для движения информации из будущего. Иногда на зеркало ставился стакан с водой. Этим как бы улучшались или повышались оптические свойства зеркала. Во всех этих случаях создавалось то, что сегодня называют *приборной ситуацией*: человек на основе искусственных вспомогательных средств усиливал своё тайнозрение.

В подблюдных гаданиях граница между мирами намечалась и чашей, куда складывались кольца, и тканью, которой эта чаша накрывалась. Считалось, что жребий, выпадавший на долю каждого из гадающих, определялся в ином мире. Связь с ним в подблюдных гаданиях была не одиночной, а коллективной. Вот ещё один вариант искомой границы: *сон*. Язык многократно запечател аналогию между сном и смертью – спящий подобен усопшему, почивающий похож на почившего. Орфеево путешествие в Аид напоминают русские гадания на сон. Готовясь к нему, не снимали на ночь платье – впереди долгий путь. Запредельное странствие мыслилось с впечатляющей реалистичностью.

В гаданиях широко использовалась и зрительная, и слуховая *парейдодия*. Так называется осмысленное восприятие хаотических образований. Воск или олово, пролитые в воду: они образовывали причудливые структуры – с них считывалась информация. Тень, отброшенная обгоревшим листом бумаги: она тоже могла нести неявные сообщения. Гадания этого типа доводили ассоциативное мышление до высшего уровня виртуозности.

Большую роль в гаданиях играл счёт. Выбери наугад полено – и сосчитай сучки на нём: столько же у тебя будет детей в замужестве. Вроде бы перед нами абсолютно случайная выборка. Но в гаданиях нет случайности! Хотя самоочевидно, что они используют игру вероятностей – искусно вписывают её в свою структуру. Можно сказать, что в гаданиях случай подвергается своеобразной *фатализации* – неисповедимо конвергирует с роком. Это очень оригинальный элемент народной философии. Вероятностные в своей сущности процедуры тут увязываются с жёстким детерминизмом. Проблема соотношения судьбы и свободы остаётся в философии неразрешённой. Не станут ли гадания эвристикой для новых подходов к ней?

Что лучше: знать будущее – или не ведать о нём? Это антиномическая дилемма. Она очень многое предопределила в народном сознании, которое колебалось между тезисом свободы и антитезисом судьбы. Замечательно, что фатализм в нём так и не одержал победы – если ты хочешь, чтобы вещий сон не сбылся, действуй активно: до двенадцати часов дня тебе следует пойти к колодцу, умыться его чистой освящённой водой – и *смыть сон*.

Гадающий в данном случае не идёт на поводу сновидческих предвестий. Начало свободы берёт в нём верх.

МАСЛЕНИЦА

Когда-то наши пращуры отмечали Новый год по лунному календарю. Это было ранневесенне время. Масленица приходилась на него. Во многом по своей семантике близкая Святкам, она всё же архаичнее их – языческий пласт в ней имеет ещё большую мощность. Вот пришла пора прощаться с Масленицей. Её чучело предают огню. Что стоит за этим обрядом? Этнографы говорят: перед намиrudимент подлинного человеческого жертвоприношения – его игровое замещение. Вероятность этой гипотезы очень высока. Приняв её, мы должны будем признать: праздник несёт хотя и трансформированную, но всё же весьма чёткую память немыслимо далёких времён. Можно метафорически говорить о *стратиграфии* русских праздников, высвечивая слой за слоем, которые откладывало время. У Масленицы эта стратиграфия самая глубокая. На её материале интересно прослеживать эволюцию обрядности – в частности, переход от натурализма к символизму, от вещного к знаковому. Следующим этапом этой эволюции будет превращение ритуала в простое развлечение. Таковым стала Масленица в наши дни. А когда-то для закрепления победы весны на костёр входил живой человек. Разве сегодня можно прозреть эту сцену за огнями Масленицы? Но она подспудно хранится в памяти праздника.

Масленица первенствует по всем координатам. В том числе и по ширине. В народе говорилось так: *широкая Масленица*. Размах был во всём: и в пространственном охвате – и в безудержности эмоций – и в обильности застолья. Вот как суть и дух праздника схватывает поговорка: «*Масленица объедуха, деньгами приберуха*». На Масленицу нельзя было скучиться. По данным С.В. Максимова, семья в 5-6 человек тратила на масленичное обжорство до 10 рублей из своего бюджета – сумма по тем временам весьма солидная⁶⁹. Как и Васильев день, Масленица связывалась с *магией первого дня* – его щедрость каталитической реакцией шла по всему году. Размашистый праздник!

⁶⁹ Максимов С.В. Цит. соч. – С. 358.

По всем своим параметрам он исходил избыточностью – поражал чрезмерностью – захватывал гиперболизмом. Извечная диалектика жизни и смерти, добра и зла, света и тьмы получила в Масленице ярчайшее обрядовое выражение.

Учёные разделились в своём толковании Масленицы – приведём три различных интерпретации:

- Масленица имеет продуцирующий смысл (В.Я. Пропп);
- олицетворение смерти в ней видели Е.В. Аничков и В.И. Чичеров;
- по мнению В.Ф. Миллера, она символизировала старый год.

Думается, что эти подходы совместимы – ведь Масленица антиномична; в ней пересеклись альтернативные грани бытия. М.М. Бахтин был поражён образом *беременной старухи* – это керченская терракота; она хранится в коллекции Эрмитажа⁷⁰. Масленица в чём-то подобна этому образу. Её одевали во всё ветхое, подчёркивая этим исчерпанность старого – и вместе с тем к ней обращались как к молодой женщине: «Уж ты ль, моя Масленица, красная краса, русая коса, цветочка, ясочка, ты же моя перепёлочка!». Беременная старуха – ошеломительный оксюморон. Но нечто оксюморонное есть и в Масленице. Глянешь с одной стороны – покойница; посмотришь с другого края – роженица. Смерть чревата жизнью.

Интереснейший момент: создание чучела Масленицы доверялось исключительно молодым замужним женщинам – при совершении этой акции, явно похожей на священное действие, могли присутствовать лишь малолетние дети. На что указывают эти бесценные детали? На то, что изготовление Масленицы подобно чадородию – её призывает в мир женская витальная сила. Конечно же, искусные крестьянки знали, какая участь ждёт их детище. Мистерию жертвоприношения христианство поднимает на небывалый уровень. Но у неё есть языческие аналоги. Причём удивительно точные: женщина понимает, что её чадо – пусть условное, символическое – обречено на смерть. Мы сравниваем – не отождествляем. В язычестве предошущается трагизм христианства. Христос идёт вслед целому сонму умирающих и воскресающих божеств. В их числе была и Масленица. Превращённая в золу и пепел, она продолжала животворить; её возвращение встречали с искренней радостью.

Гулянье – и польза, развлечение – и функциональность: чем дальше мы уходим от истоков праздника, тем менее очевидной становится для нас связь этих понятий. Разве не чистым увеселением являются грандиозные масленичные игрища? Однако перед нами продуцирующий обряд: чем больше вложишься в праздник, тем богаче будет урожай. Пахота ещё покрыта снегом. Поэтому сейчас возможен только «*опосредованный контакт с землёй, что вполне естественно в условиях северного климата в зимнее время*» – Т.А. Агапкина связывает знаменитые санные поезда с аграрной магией⁷¹. Через разогретые полозья почва получает начальные импульсы для пробуждения. С аграрной магией нужно соотнести и состязательный момент в праздновании Масленицы. Она может сопоставляться не только с западно-европейским *карнавалом*, но и с древнегреческим *агоном*. Конские ристания – или кулачные бои: здесь происходит своеобразная возгонка энергии. Её надо передать земле. Если при этом прольётся кровь, то земля впитает её во благо урожая.

Всё стремительней вращается огромный *масленичный круг*! Какие сцепления связывают его с кругом зодиака? И с мельничными жерновами? И с вращающимся веретеном? Идёт передача – усиление – превращение космической

⁷⁰ Бахтин М.М. Цит. соч. – С.32.

⁷¹ Агапкина Т.А. Цит соч. – С.175.

энергии. Праздник является в этой системе важнейшим звеном. Поэтому его надо провести достойно. С раскрытым кошельком. Не жмотя – не скучая – не экономия. Масленицу можно назвать *апофеозом щедрости*.

Эта щедрость – во всём: в богатом застольи – в полыхании красок – в горячности чувств. Иногда кажется, что храм Покрова на Рву, гениально моделирующий русский космос, вобрал в себя именно энергетику Масленицы – сфокусировал полихромию, фантастику, фееричность этого праздника. Его звонкую радужность прекрасно воплощает кисть Б.М. Кустодиева. Масленицу всецело открыта бытию. Будучи самовыражением русской души, она передаёт лучше всякого портрета её распахнутость – и её творческий размах.

Амплитуда у Масленицы действительно широка. Она опускает в бездну – она поднимает в космос. Исследуя обряд катания с гор, Н.В. Понырко задаёт такой вопрос: «*Не есть ли это образ падения – сверху вниз?*»⁷². Исследовательница напоминает нам о том, что главная тема сырной седмицы – грехопадение Адама и Евы. Огромную роль в праздновании Масленицы играют младёжны. Это дни их триумфа. Они в центре внимания. Вокруг них заверчена машина праздника. Понятно, что это ими и ради них в Масленицу привносится дух Эроса – отсюда небывалая фривольность шуток, раскованность поведения. Самые степенные люди позволяют себе неприличное. Праздник выявляет относительность моментов, которые принято называть непристойными – подлежит ли цензуре то, благодаря чему продолжается человеческий род? Праздник ликвидирует эту цензуру.

Катальная горка – и *карнавальный низ* в смысле М.М. Бахтина: как ни привлекательна эта связь, но у неё есть архетипические основания. Теперь перейдём на другой край амплитуды. Это масленичный костёр. Из него поднимается шест, символизирующий Мировое Древо. На самый верх забрался парень – он держит бутылку и кусок масла. Перед нами вновь реминисценция жертвоприношения. Пусть в игровом пространстве, но парень достиг высот, предельных для земного существования. Вниз под горку – вверх по шесту, ужас падения – радость взлёта: охват бытия в дни Масленицы поражает своей полнотой.

Широчайший спектр Масленицы соединяет в себе языческое и христианское. Причём оба полюса представлены в своих крайних выражениях. Начало праздника – встреча Масленицы: языческое игрище, отдающее разгулом; конец праздника – Прощёное воскресение: манифестация исконно христианских чувств. И это одни и те же люди! Как если бы за одну неделю они проделали колоссальный исторический путь. Но на самом деле тут нет эволюции, нет диахронии: оба полюса сосуществуют в русской душе. Иногда один выходит на первый план, затеняя другой, – иногда мы видим их комплементарную соположенность.

С.В. Максимов пишет о Прощёном воскресении – чудесный обряд «*по свидетельству наших корреспондентов в некоторых центральных губерниях уже почти не существует, но зато в лесных губерниях севера, где обычай вообще устойчивы и крепки, «прощение» соблюдается весьма строго и существует даже особый ритуал его*»⁷³. Именно на Русском Севере в праздновании Масленицы доминировала семейная обрядность. Это было время интенсивнейшего *перегащивания* – поженившиеся в мясоед навещали дома как родителей, так и тех, кто пировал на их свадьбе: обряд закреплял социальные связи. Праздник всячески поощрял вступивших в семейную жизнь. Катание на звериных шкурах –

⁷² Понырко Н.В. Цит. соч. – С.185.

⁷³ Максимов С.В. Цит. соч. – С. 371.

сажание на перевёрнутые бороны – валяние в снегу: здесь мы снова видим продуцирующую магию, но направленную уже на человека. Впрочем, лоно женщины и лоно земли не разделялись в народном сознании – и Масленица помогает нам ощутить то единое биополе, напряжённость которого она была призвана увеличить. Масленица утверждала дух новизны.

Попробуем мысленно проследить за тем, как складывался масленичный костёр: кто-то бросит в него изношенные лапти, кто-то беззубые грабли, кто-то связку веников-голиков. Один прикатит смолянью бочку – другой нагромозит на неё треснувшее тележное колесо – третий заявится с пряслом обветшалого плетня. Какая живописная куча хлама! Прямо-таки авангардистский образ хаоса. Костёр стянет в себя всё старое – ненужное – бессмысленное. Далёкий путник подумает: чем ярче костёр, тем богаче деревня. Буйное пламя уходит в ночной небосвод. Идёт переплавка мира. Масленица радикально обновит его – точнее, сотворит заново.

В Масленице нашёл своё выражение стихийный народный космизм. Понятна связь масленичных блинов и с солярным, и с лунарным культом. Процесс их изготовления исполнен глубокого символизма. Тесто замешивали на снегу – и обязательно при свете первых звёзд. Опара напитывалась благодатными излучениями космоса. Так через эту процедуру Масленице задаётся вселенский контекст. Но он расширяется до трансцендентных уровней, когда со сковородки снимается первый блин: обильно смазав коровьим маслом, его выносят на слуховое окно – он предназначен предкам. Ещё один обряд, уводящий в наоборотный мир: блин бросают через голову за спину – на предмет кормления духов. Обязательно он попадёт и в прощальный костёр: «Гори, блин, гори, Масленица». Солнца вспыхивают и угасают. Но возрождение их неизбежно.

Народные праздники вызвали к жизни чудо обрядовой поэзии. Вот только две строки, созданные безвестным поэтом на Масленицу – это благое пожелание:

*Чтобы горушки были катливые,
Чтобы девушки были гудливые.*

Двустишие отмечено блеском формы.

ТРОИЦЫН ДЕНЬ

Празднование дня Святой Троицы было введено на Руси Сергием Радонежским. Это новшество оказалось на редкость органичным. Троицын день стал одним из самых любимых в годовом цикле. Сергий Радонежский мечтал о том, чтобы наше отечество стало зеркалом Святой Троицы – отразило без всяких искажений нераздельное и неслиянное единство её ипостасей. Это была мечта о соборной Руси, которая должна не только познать Бога как Единое во Многом, но и впитать всем своим существом глубочайшую тринитарную диалектику. Стал ли новый праздник таким зеркалом? Отчасти да. Как всякий праздник, он сближал и единил людей, преломляя на мирском уровне идею соборности. Но амальгама здесь оказалась двойная: сквозь христианское проступает языческое. Отсюда исключительно интересные аберрации, имеющие самостоятельную значимость и ценность.

А.И. Клибанов пишет в связи с Троицынским днём: «Это был праздник гораздо более самодеятельный, чем остальные православные праздники, полурелигиозный-полумирской, праздник, трансцендентальный смысл которого усту-

пал место радостному чувству взаимности людей и солидарности их с вечно изменяющейся природой»⁷⁴. Выдающийся исследователь русской культуры в главном прав. Но всё-таки его взгляды требует уточнения. Конечно же, Троицын день знал моменты, объединявшие всю – без всяких вычетов – общину. Но гораздо более существенным для него является отчётливо выраженная гендерная направленность. Это был преимущественно женский праздник. Ещё точнее – девичий. В нём с неожиданной силой отозвалось эхо матриархата. Культ Великой Богини, столь существенный для этой эпохи, наложился на Троицын день. Осуществился синтез, характерный для двоеверия в целом – и хотя поначалу кажется, что здесь он принял несколько причудливые формы, на поверхку обнаруживается его нетривиальная гармоничность.

Для народного восприятия Троицы характерны два сближения:

1) Троица стала рядом с Богородицей – имеются тексты, которые создают ощущение, что они неизвестимо синонимизируются, отождествляются; вот типичное обращение из Троицкой песни: «Благослови, Троица! Богородица!»

2) Очень часто народ понимал структуру Святой Троицы по-своему – совсем не канонически: она виделась ему символом небесной семьи – Бога Отца, Богоматери и Бога-Сына. Саваоф и Мария в этом восприятии – как муж и жена; их отношениям присуще абсолютное согласие: земная семья – в своём устремлении к ладу – должна вторить небесному первообразу.

Почему же в полифонии Троицына дня порой звучат совсем другие ноты? Богатейший фольклорный материал, связанный с этим праздником, сохранил следы явного неприятия сильного пола – враждебного отношения к нему. Троицкая песня «Пустить стрелу» эмоциональное неприятие мужчин переводит в план конкретного действия:

*Ой, пущу стрелу вдоль по улице,
Ты лети, стрела, вдоль по широкой,
Ты убей, стрела, добра молодца...*

Тут завязывается весьма драматическая антиномия. С одной стороны, специалисты правомерно констатируют «матримониально-эротическую доминанту троицко-купальского цикла»⁷⁵. С другой стороны, праздник обнаруживает не только антимужские, но и антибрачные настроения – вот ещё одна цитата из троицкой песни:

*Виси, венок, не развивайся,
А моя девичья краса не кончайся.*

Что стоит за этими мотивами? Вспомним культуру матриархального Крита. Вот где процвела «Вечная женственность!». Мужчины фактически были элиминированы из картины мира. Война – охота – эротика: неукоснительная женская цензура табуировала эту тематику в искусстве. И самое главное: Великая Богиня – по крайней мере на самых ранних стадиях своего культа – не нуждается для продолжения рода в супруге. На архаическом Крите утвердилась идея партеногенеза.

Отсюда линия преемственности уводит нас и к Афине Парфенос, и к непорочной Богородице. Думается, что в этом контексте следует воспринимать

⁷⁴ Клибанов А.И. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева. – В кн.: Андрей Рублев и его эпоха. М., 1971. – С. 94.

⁷⁵ Агапкина Т.А. Цит. соч. – С. 249.

некоторые особенности Троицына дня – женское начало здесь безусловно первенствует. Очень существенно, что лингвистически – с точки зрения грамматического рода – слово Троица обозначает скорее не Бога, а Богиню. Тогда как три составляющих её ипостаси безусловно представляют мужскую сферу. Не будем говорить о том, что Бог не знает половых разделений – он превечно Единый, он выше всех дальних поляризаций. Это абстрактная теология. Иное дело – живой язык: он мощно влияет на картину мира – в том числе и на его теологическую составляющую. Вот непреложный языковой факт: слово Троица – женского рода. И этим очень многое предопределено в народном христианстве.

Антропоморфизм соприсущ языческому мириоощущению. Архаические реалии Троицына дня тут не представляют исключения. Но вот что удивительно: антропоморфизм картины миры, встающей за этим праздником, окрашен в женские тона – воплощает женские черты. Как Мировое Древо рисуется в нашем воображении? Как что-то сильное, мужественное; если его ассоциировать с обычными деревьями, то в первую очередь наверняка вспомнятся дуб – кедр – ясень. А вот для Троицына дня Мировым Древом является женственная берёзка! Фундаментальная мифологема воплощается в ней без умалений и изъятий: все три уровня бытия – нижний, средний и верхний миры – моделируются соответственно традиции. Как никакое другое дерево, берёза идёт навстречу нашей тенденции вочеловечивать мир – этой мистерии посвящена значительная часть праздника

Гениально вочеловечила берёзку в своей известной скульптуре А.С. Голубкина. Народ это делает иными средствами. Берёзу – наряжают, берёзу – украшают. Крестьянская женская одежда оказывается ей к лицу. Бусы – ленты – косники: всё это идёт берёзе. Особым украшением Троицкой берёзки является венок. Искусство его изготовления поражает богатством своих приёмов. Перечислим некоторые виды троицких венков, которые завивались прямо на берёзках:

- ветки в форме кольца переплетаются друг с другом;
- ветки перемежаются с травами – обычно цветущими;
- ветки идут в перевив с яркими лентами;
- для этой же цели используются вышитые полотенца.

Декор троицкой берёзки великолепен! Заметим, что венки могли быть очень большими – они замыкали в круг верхушки двух берёзок. В Переславле-Залесском такой венок назывался «мирским кольцом». Архетип Мирового Древа здесь взаимодействует с архетипом круга. Обратим внимание на то, что северная вышивка контаминирует все эти мотивы – создаёт сложнейшие синтетические структуры. Вдумаемся в их семантику и стилистику:

- Мировое Древо предстаёт на вышивках в самых разнообразных пластических решениях;
- часто образ Мирового Древа подвергнут антропоморфизации – он с изумительной естественностью трансформируется в образы Макоши или Рожаницы;
- нередко в эту композицию вписывается солярный круг;
- образ Мирового Древа может быть сопряжён с образом птицы.

Возвращаясь в Троицын день, все эти мотивы мы обнаруживаем в структуре праздника – будто вышивка намечает его сценарий. Проведём более чётко те неожиданные, хотя и вполне закономерные параллели, которые обнаруживает наше сравнение:

- Троицкая берёзка, символизирующая Мировое Древо, является центром праздника – а, значит, и всего Универсума;

- вокруг неё водят *хороводы*; её ветви свивают в *кольцо*; девушки надевают на себя *венки*: перед нами различные вариации идеи *круга*;
- природная женственность берёзки усиlena и подчёркнута стремлением принарядить и приукрасить её в соответствии с девичьим вкусом;
- Троицкая обрядность включает в себя *крещение и похороны кукушки* – вот и птица появляется в праздничной картине мира.

Символической кукушке придаются как орнитоморфные, так и антропоморфные черты. Иногда это травянистое растение – например, *кукушкины слёзки* из семейства орхидных: оно одевается – наподобие куклы – в миниатюрный женский наряд. При этом стараются соблюсти полную комплектность: мы видим и рубаху, и сарафан, и пояс, и платок, и крест, и ленту, и бусы, и мониста. Обычно костюму придаётся розово-красная гамма. Трава в девичьем одеянии! Вот ярчайшее свидетельство того, что вочеловечивание природы имело у русского народа тотальный характер – и это является весьма существенной стороной его философии. Она одновременно и архаична, и проективна – устремлена в будущее. Мир творится Богом, которому суждено вочеловечиться; природа как бы ожидает человека, предвосхищает его – отсюда множество проточеловеческих элементов в ней. Антропоморфизм с позиций христианской теологии получает объективное оправдание. Можно спасти только вочеловеченный мир. Язычество здесь вполне созвучно христианству. В его анимизме чувствуется веянье Святого Духа. Мы сейчас сознательно переходим на религиозный язык, чтобы подчеркнуть внутреннюю непротиворечивость русского двоеверия – и выявить в нём наличие своеобразной эволюционной преемственности, когда архаика не отбрасывается, а включается – разумеется после целой системы тончайших корреляций и трансформаций – в новый контекст.

И Троицкая берёзка, и кукушка – воплощения Великой Богини, её ипостаси. Перед нами языческий пласт Троицына дня. Теперь посмотрим, как на него накладываются христианские реалии:

- с берёzkами в руках крестьянки совершают вокруг ржи *крестный ход*;
- в конце праздника берёзку *отпевают*;
- кукушку *крестят*; её *похороны* совершаются в полном соответствии с церковным чином – причём девушки берут на себя роль и священника, и дьякона; подчёркнём: в данном случае отсутствует пародирование – игровое действие совершается с абсолютной искренностью.

Культ Великой Богини вдохновлялся циклом умирающей и воскресающей растительности. В Троицыном дне отчётливо слышится отголосок этого культа. Христианство преемственно связано с ним. Известно, что некоторые выдающиеся первохристиане прошли через Элевсинские мистерии – Деметра и Персефона стоят в преддверии новой веры. И Троицкая берёзка, и Троицкая кукушка принимают смерть. Но она не есть нечто окончательное и безусловное. Танатос не в силах остановить круговоротение бытия.

Троицыному дню присущ своеобразный пантеизм. Считается, что лес в этот день – *именинник*. С топором в него входить сейчас нельзя! Разве что ты срубишь деревце для ритуальной цели. С необыкновенной остротой русский человек чувствовал в Троицын день свою родство с лесом, со всей природой. Об умирающем наши пращуры говорили так: «в берёзки *собирается*». Тут подразумевается метемпсихоз? Душа человека способна переселиться в дерево. Древнегреческая мифология опоэтизировала эту форму бессмертия. В мифологии славян мы находим схожие представления. Наши пращуры считали, что период между Семиком и Троицей отмечен тем, что предки на время оставляют тот свет – и посещают свои земные обиталища. Однако приходят они к нам

в обличьи Троицкой зелени. Их нельзя увидеть глазами, но можно почувствовать сердцем. Травы и деревья в этом мироощущении – не только посредники между разными уровнями бытия, но и вместилища человеческих душ. Отсюда благоговейное отношение к Троицкой растительности. Народу мнилось непосредственное присутствие в ней умерших пращуров. Круговорот человеческих душ захватывал и флору.

Святейший Синод в 1741 г. осудил Троицкий кульст растительности: «вышепомянутые берёзки износя из домов своих, аки бы некую вещь честную, с немалым людства собранием провождают по подобию елинских пиршеств»⁷⁶. Эллинское в языке синодальных деятелей равнозначно языческому. Церковь сознавала привнесённость в праздник Троицы чуждых её установкам элементов. Двоеверие праздника прямо заявляло себя. Надо отдать должное гибкости церковных иерархов, которые вместо того, чтобы искоренять рецидивы язычества в Троицыном дне, мудро адаптировались к ним. Вот значительный факт: для Троицына дня у священников были специальные зелёные фелони – мимикрия под общий фон праздника имеет в данном случае абсолютно положительный смысл. Как обычно и разнообразно украшались храмы зеленью на Троицу! Берёзку иногда вносили в алтарь. Дендролатрия совмещалась с христианством. Почему к этому симбиозу надо относиться опасливо? В конце концов, голгофское распятие является метаморфозой Мирового Древа, образ которого формировался в лоне культа деревьев. Разрыв между язычеством и христианством далеко не на всей линии их взаимодействия является резким и бескомпромиссным. Имеются зоны очевидной контаминации. Троицын день приходится на одну из них.

В Троицкой зелени народ видел средоточие жизненных сил. Освящая эту зелень в храмах, он как бы удавивал её продуцирующую мощь: природную энергию стремился дополнить благодатью Святого Духа – по сути соединял тварное и нетварное. Лежащее в основе этих представлений мировоззрение в чём-то созвучно как исихазму, так и софиологии. Это своего рода стихийный витализм: бессознательное ощущение, что жизнь имеет трансцендентные корни. Причём уходят они в двух противоположных направлениях: к умершим предкам, под землю – и в занебесную высь, к высшим началам. Мировое Древо связывает эти крайние области.

Почитание Троицкой берёзки отмечено особой теплотой и задушевностью. Её щедро одаряют бисером и бусами – на неё вешают конфеты и козули. Что-то от мира детской игры есть в ритуальном кормлении Троицкой берёзки. Ей – первая ложка каши. И первая порция яичницы. И первый пирог. Чинно, с поклонами приглашают разукрашенное дерево в дом: «Белая берёзынька, милости просим к нам в гости, не побрезгуй нашем хлебом-солью». Вочеловечивание природы здесь достигает абсолютных пределов. Человек – и дерево, человек – и трава: граница между ними снимается полностью – они обнаруживают свою амбивалентность, являются свою взаимопревращаемость. Пусть единство природы и человека тут понимается в наивных формах. Но это пролегомены именно к ноосферному их единству, о котором писал В.И. Вернадский, – становится всё более сомнительным, что мы когда-нибудь достигнем его.

Прошлое – настоящее – будущее: праздник Святой Троицы связывает их в один узел. Предки – ныне живущие – их потомки: они сейчас рядом – лишь благодаря их совместным усилиям поддерживается земная жизнь. Умершие очень тонко, но всё же весьма активно проявляют себя на Троицу – у них

⁷⁶ Цит. по: Русский праздник. – С. 584.

сейчас есть возможность принять участие и в судьбе грядущего урожая, и в таинстве продолжения рода. Об одном из троицких обрядов, приуроченных к кладбищу, И. Снегирёв рассказывает так: «*В Псковской губернии обметают пучками Троицких цветов родительские могилки, что там называется: гла за урод и телей прочища ть*»⁷⁷. Происходит встреча око в око! Традиция устанавливает живую связь поколений. На троицкую субботу приходится самая активная фаза этой связи. Псковичи утвердились в таком убеждении: в этот день следует подержаться за родительский крест – пусть прашур непосредственно почувствует твоё присутствие. Он может подняться из могилы. И при этом найдёт опору в кресте, ещё хранящем тепло твоей руки. Фантасмагория? Но Троицкая суббота пророчит о Воскрешении. Воссоединение всех поколений живо предчувствуется в этот день.

Предки присутствуют в Троицкой зелени. Куда направляется её продуцирующая энергия? Естественно, что в будущее – к новым семьям, к новым детям. Родительская душа может прилететь на берёзку, поставленную у дома, приняв обличье кукушки – надо поставить под деревом ковшик с водой, чтобы она омылась. Вопросы, задаваемые священником на исповеди, запечатлели ещё один удивительный обычай: на троицкую субботу «егда памят творим оусопшим, бани не велел ли еси топити?». Баня, приготовленная для усопших родителей: в этом образе мы находим конкретное свидетельство того, что смерть для русского человека имела относительный смысл; вносимые ею в череду поколений разрывы он не считал неодолимыми: они могли исчезать, и тогда вдоль вех – ими были обрядовые берёзки – прашуры с погоста возвращались домой. Народ не философствовал над абстракцией вечности – он предвосхитил и воспроизводил вечность в условиях времени.

Стоглав в вопросе XXIII запечатлел – правда, с осуждающей интонацией – картину Троицкой субботы: «*сходятся мужи и жёны на жальниках, и плачутся на гробах с великим кричанием, и егда учнут скоморохи и гудцы и трегудницы играть, они же от плача преставше, начнут скакати и плясати, и в ладони бити, и песни сатанинские лети*». Вся амплитуда человеческих эмоций раскрывается перед нами с необыкновенной быстротой. От безутешного горя – к безудержному веселью: контрастный переход осуществляется в одном топосе – на родительской могиле. Двуединство жизни и смерти здесь находит очень сильное эзистенциальное выражение.

Информация о конечной судьбе Троицкой берёзки отличается своей скучностью и отрывочностью. Народ на эту тему говорил неохотно. Что-то смущало его в ней. Однако априори можно предположить, что берёзку ожидал удел, типичный для всех божеств, освящающих космический циклизм бытия. Она должна была принять смерть – дабы воскреснуть ровно через год. Этнографам удалось зафиксировать такие варианты её конца: берёзку уносили обратно в лес – оставляли в ржаном поле, дабы она охраняла посевы от града – топили в реке, что сулило влагу на всё лето – сжигали в печи или на улице. Перед этим финалом запасались её ветками – они использовались в самых разных целях:

- их клали умершему под подушку;
- укрепляли под коневым бревном на крыше;
- гоняли ими скотину до конца года (на Пудоге этот обычай соблюдался неукоснительно);
- вениками, связанными из веток Троицкой берёзы, опахивали и после праз-

⁷⁷ Снегирева Ю.Л. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. III. М., 1838. – С. 135.

дника могилы предков (в Новгородской губернии об этом говорили так: «роди-телей попарить»);

– различные фрагменты Троицкой берёзы использовались в качестве оберега.

Сразу за Троицей следовал Духов день. Теперь свои *именины*правляла земля. Поразительно это замыкание Святого Духа на дальнее, почвенное, хтоническое. Плуг и борона, лопата и грабли: всё это отставлялось в сторону. Землю нельзя было беспокоить на Духов день. Она отдыхала, впитывая благодать. Вчера вочеловечивалась берёзка – сегодня вочеловечивается земля. Она воспринималась как живое существо. Обряд *кормления земли* засвидетельствован у вятичей. Скатерть для трапезы расстилалась непосредственно в поле. Кусочки пищи зарывались под землю – ритуал сопровождался песнями. Земля делится с людьми – люди делятся с землёй. Хотя обряд может показаться несколько натуралистичным, но главное в нём – непреходящая по своей значимости *этика взаимности*. Благодарная земля открывала в Духов день свои тайны. Приложившись к ней ухом, люди *слушали клады*: земля нашёптывала им самое заповедное.

Не будем идеализировать праздник Святой Троицы. Что ни говори, а мечтания Сергия Радонежского он воплощал весьма условно – сильнейшая инерция язычества сказалась в нём со всей очевидностью. Было бы преувеличением утверждать, что идеал согласия доминировал в этот день – этнографы зафиксировали такое признание: «*Больше в Троицу дрались*». Но и кумились в этот день! Причём не только девушки: известны случаи братания у парней – они тоже целовались через берёзку, давая друг другу клятву в пожизненной дружбе.

Троицын день для нас интересен прежде всего тем, что высший принцип христианства – тринитарный догмат – в нём оказался *совместимым* с наиболее архаичными реликтами язычества. Феномен этой *совместимости* многое проясняет в русском менталитете. Великая диалектика нераздельного и неслиянного выявляется и на этом уровне – в плоскости вполне мирного взаимодействия языческого и христианского, ветхого и нового. Народная культура развивалась кумулятивно, отвергая резкие переходы и отрицания. Изучая многоплановую семантику Троицына дня, мы констатируем, что меру отрыва христианства от языческой почвы иногда преувеличивают. Здесь немало инвариантных архетипов. Христианство подготовлено наиболее глубокими прозрениями язычества. Троицын день – апофеоз двоеверия. Но о нём мы можем говорить в тех же терминах, которые применяем, анализируя дифизитство Христа: две веры соединяются в сознании народа нераздельно и неслиянно – этому сознанию безусловно присущи и целостность, и единство.

ИВАН КУПАЛА

«Всё из воды» – сказал Фалес. Гераклит его оспорил – первичен огонь. Эти две первостилии играли в древней натуралистики ключевую роль. Их противостояние характерно и для славянской картины мира. Или вода – или огонь: они несовместимы. Но в день на Ивана Купалу между ними устанавливается согласие. Парадоксальный момент! Дабы зафиксировать его, народная диалектика использовала в качестве символа цветок иван-да-мары – он обрёл значение необычного текста. Прочтём его, расположив раскрытие смыслы так, как это делал И. Кант при изложении своих антиномий:

Иван
брат
огонь

Марья
сестра
вода

желтое	синее
жизнь	смерть

Иван и Марья полюбили друг друга греховной любовью. Совершился инцест. Не был ли он в сознании наших пращуров ассоциирован с идеей плодородия? Ночь на Ивана Купалу в какой-то степени возрождала древние промискуитетные традиции. Вероятна их связь с оргиастическим началом. Бесконтрольное высвобождение сексуальной энергии могло служить интересам продуцирующей магии.

Солнце в день Ивана Купалы достигает максимальной высоты на эклиптике. И словно подтягивает к этому пику всё живое! Дню Ивана Купалы присуща некоторая экстремальность. Всё на пределе – на рубеже – на грани. Достигнута высшая планка. Сколько можно продержаться в этом апогее витальности? Разве толику мгновения. Именно в этой хрональной точке и зацветёт папоротник. Совершится главное чудо Ивановской ночи.

Т.А. Агапкина считает, что хождение за цветком папоротника «во многом сродни поиску обетованной земли»⁷⁸. Это своеобразное трансцендирование: среди здешнего ищешь нездешнее. Ореол волшебства стоит над Ивановской ночью. Дабы уловить его мерцание, надо удалиться в лес на такую глубину, чтобы петухов не было слышно. Так в славянских заговорах задаётся необходимая дистанция. Выполнил условие – жди небывалого. Какой-то сомнамбулический транс нисходит сейчас на природу. И в ней начинают совершаться откровение за откровением.

Народная фармакопея поражает своим разнообразием. Но как народ узнаёт о целебных свойствах трав? Конечно, метод проб и ошибок тут весьма вероятен, однако поверим травознам: они убеждены, что в Ивановскую ночь каждое растение начинает говорить неповторимым голосом – и само раскрывает свои целительные свойства. Здесь мифологизируется человеческая интуиция? Так или иначе, но народная традиция создаёт вокруг Ивановской ночи совершенно особыю атмосферу, которая реально может содействовать поиску необходимых трав.

Необыкновенно глубокое вчувствование в природу характерно для культа ивановской ночи. Найтие не знает границы между объектом и субъектом. Травы – животные – птицы: они открываются человеку изнутри. И потому он не только слышит, но и понимает их язык – общение с природой обретает черты полноценного диалога. Он мимолётен – как и любое чудо. В озарениях Ивановской ночи русскому человеку открывалось поэтическое начало бытия.

Экстремальность этого праздника задавалась ещё и тем, что к мигу кульминации устремлялись с двух сторон – так, цветком папоротника стремились овладеть не только люди, но и нечистая сила. Их интересы пересекались. Отсюда напряжённый драматизм купальской ночи. Если не принять необходимых мер, то пережинщики – это чаще всего колдуны, действующие вкупе с бесами – сделают так, что зерно будущего урожая само собой перетечёт в их закрома. Поэтому мужики затаивались во ржи с косами. Караулили хлеба. А в случае необходимости норовили ловко подкосить быстро перемещающуюся колдунью. Захватывающее зрелище! Утром будут высматривать: какая баба на селе захромала – та и творила на поле своё лихолейство. Игра воспалённого воображения? Скорее креативный мифогенез. Он созидает свою реальность. Она не менее объективна, нежели твердь и хлебь.

В знаменитых купальских кострах отчётливо просматриваются следы солярного культа. Костры старались расположить как можно ближе к воде. Это

⁷⁸ Агапкина Т.А. Цит. соч. – С. 574.

соседство указывало на союз двух стихий, заключаемый в день Ивана Купала, который отмечен обилием языческих реминисценций. Знаменитое перепрыгивание через костры: разве здесь не ощущается эхо инициационных обрядов? Чудесная примета: если через костёр перепрыгнут вместе парень и девушка, не размыкая рук, то они поженятся – и союз их будет особо прочным. Купальские традиции дольше всего продержались на Русском Севере. Этнографическая экспедиция МГУ 1960 г. зафиксировала в д. Чёлмужи такое свидетельство: «Разведут огонь, прыгают через него, поют песни как обычные, так и дожинные»⁷⁹. Никак нельзя согласиться с А.И. Соболевским, который писал ещё в 1890 г.: «Северная Русь, можно сказать, уже утратила Купала»⁸⁰. Этот регион оказался наиболее консервативным и в сохранении купальских обычаем.

Есть своя закономерность в умирании обрядов. Они трансформируются в игру. Х. Ящуржинский писал об этом так: «Теперь обрядность, сопровождающая праздник Ивана Купалы, находится на той степени забвения, когда она целиком сохраняется только детьми»⁸¹.

Праздник Ивана Купалы показывает, как христианство ложилось на канву, предготовленную язычеством. Дни зимнего и летнего солнцестояния, издревле выделенные человечеством, оно переосмыслило в своём ключе. Иоанн Креститель говорит: «Ему должно расти, а мне умаляться» (Ин 3:30). День после 24.6 идёт на убыль. Для слов Иоанна Предтечи, связанных исключительно с духовной сферой, церковь находит астрономическую параллель. В поиске таких соответствий есть своя замечательная поэзия. Получается так, что космос проповедует Евангелие – его вселенскость получает убедительнейшее подтверждение. Солнце опускается всё ниже. Иоанн Креститель передаёт эстафету Иисусу Христу. Рождество Спасителя церковь сблизила с днём зимнего солнцестояния. День начинает прибывать – слава Христа возрастает. Христу предшествовал индо-иранский солнечный бог Митра, чей культ был воспринят греко-римской культурой – на него наложились черты Геракла, Аполлона, Гелиоса. Только в 431 г. Рождество Христа официально заменило митраистский праздник. В купальских кострах есть отсвет и зороастриского культа огня, и митраистского солярного культа. Язычество и христианство образуют в нём нечто гибридное. Это скрещивание даёт плодотворный результат: возникает праздник, поражающий разнообразием и глубиной своих поэтических мотивов.

ИЛЬИН ДЕНЬ

С Ильиным днём связано такое поверье: дабы избавиться от зубной боли, надо отыскать старый дуб, из-под которого бьёт ключ; сняв кору с дерева, её следует вымочить в родниковых водах, а потом хранить в ладанке. Когда-то дуб, чей ареал простирался до высоких северных широт, был посвящён Перуну. Поверье со всей отчётливостью зафиксировало переход от языческого культа Перуна к христианскому культу Ильи. Структура и характер этого перехода

⁷⁹ Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. – С.243.

⁸⁰ Соболевский А.И. К истории народных праздников в Великой Руси. – Живая старина. 1890, № 1. – С. 259.

⁸¹ Ящуржинский Х. Заметки о Купальском празднике в Уманском уезде. – Киевская старина. 1890, вып. II. – С. 327.

требуют самого пристального внимания. Исследуя его, мы приблизимся к пониманию феномена двоеверия, столь существенного для культуры Северной Руси. Многое говорит за то, что переход произошёл ровно и бесконфликтно – новое не столь отрицало старое, сколь ассимилировало его, подвергнув соответствующему переосмыслению. Казалось бы, понятие двоеверия указывает на некий дуализм – подразумевает внутреннюю антитетичность, расколотость религиозного сознания. На самом деле ничего этого нет и в помине. Пусть мы вступим в противоречие с формальной логикой, но можно сказать так: народное двоеверие монистично – ему присуща высшая степень органического единства.

Говоря о соотношении библейского Ильи и славянского Перуна, мы желаем использовать замечательное биологическое понятие: *симвиоз*. Да, перед нами своего рода симбиотическое слияние – два культа образовали единый нерасчленимый комплекс.

Двоеверие представляет колossalный интерес в плане взаимодействия очень далёких друг от друга культур. Это и хронотопическая, и сущностная дистанция. Ветхозаветный пророк, живший в IX в. до Рождества Христова: почему он так легко и естественно вошёл в сердце славян? Первая церковь, возведённая в Киеве, была посвящена Илье. Будто его огненная колесница открывает дорогу на Русь и самому Христу, и сонму святых. Конечно же, Илья низводил огонь на языческих идолов славянства, но сгорал лишь их древесный субстрат – суть оставалась сохранной. Поверженные языческие божества воскресали уже в христианских обличьях. Метафорически тут можно говорить о каком-то подобии реинкарнации. Нельзя закрывать глаза на это своеобразное *переселение душ* – пусть мы используем язык тропов, но это реально: душа Перуна продолжала жить в душе Ильи. Среди различных видов культурной преемственности эта представляется нам самой загадочной.

Двоеверие – уникальная форма религиозного творчества, направленного на синтез. Он абсолютно оригинален. Илья в народном представлении: очевидна его связь и с библейским пророком, и со славянским божеством, но главное всё же заключается не в этой генетической соотнесённости, а в тех исключительно самобытных чертах, какие образ приобрёл после переработки в коллективном бессознательном. Илья-пророк, которому поклонялись на водлозёрском Ильинском погосте: он не совпадает ни с библейским, ни с языческим персонажами – это его прообразы, но никак не двойники. Народный Илья-пророк есть нечто особое – неповторимое – самостоятельное. Подходить к нему надо диалектически: выявлять связи с прототипами – и вместе с тем подчёркивать новообретения.

Важнейшая черта славянского Ильи – это его грозовая природа: перед нами громовержец – метатель молний. Здесь он близок Перуну. Вспомним, что библейский Илья, хотя и сводит огонь с неба, но нигде не ассоциируется с молнией. Вероятно, небесный огонь имеет иную природу – он скорее метафизичен, чем физичен. Сегодня мы назвали бы его *нетварным огнём* – предвведение этой исихастской концепции несомненно присутствует в Библии. В этом смысле народный Илья более натуралистичен.

Библия трижды говорит о низведении Ильи небесного огня. Приведём два из трёх свидетельств: «*И наслал огонь Господень и пожрал всесожжение*» /3 Цар 18:38/. Огонь в данном случае связан с жертвоприношением. Но вот сейчас он используется по другому назначению: «*И сошёл огонь Божий с неба, и попалил его и пятидесятку его*» /4 Цар 1:12/. Это карающий огонь. Именно его сила в полный разворот проявляется на Ильин день.

Вот наиисущественнейшая особенность этого праздника: он посвящён противоборству света и тьмы – даёт ярчайшую картину их столкновения – славит

победу добра. Ни в каком другом празднике не звучит столь мощно героическая тема. Мы не забыли про Пасху. Но там торжествует Богочеловек, чьё орудие – трансцендентная сила. Иное дело – Илья-пророк. Да, он вознесён на небо – предельно приближен к Богу – и тем не менее остаётся представителем исключительно человеческого рода. Орудие, которое Илья направляет против тёмных сил, более понятно: это огненные стрелы. Падая на землю, они остывают – их можно подобрать в апотропейных целях. Со стрелами Ильи отождествлялись и белемниты, и неолитические скрёбла. Борьба с нечистой силой имела вполне материальное выражение. Илья давал народу урок бескомпромиссности в осуждении всего негативного. Это воплощение суровой, неподкупной, ригористической принципиальности. Разжалобить Илью практически невозможно. Лучше обращаться к нему через угодника Николая, который порой сопровождает Илью в летних обходах северной земли. Нельзя работать на Ильин день. Но ярославский мужик преенебрёг этим советом. И вот Илья говорит своему спутнику Николаю: «Как спалю я молнией, как выбью градом всё поле, так будет мужик твой правду знать да Ильин день почитать». Николай однако не оставил своего заступничества. И вот Илья сменил гнев на милость. Заметим, что Илья и Николай в народном сознании – своего рода антиподы. Иллюстрируя принцип дополнительности Н. Бора, иногда говорят, что правосудие и милосердие – типично комплементарная диада. Можно сказать, что Илья и Николай воплощают её: Илья – ужесточает, Николай – смягчает. Альтернативно противопоставив двух святых, народ вместе с тем осознаёт их единство – привычно видеть Илью и Николая вместе, рядом. Они дружат. Но контрастно расходятся в психологических измерениях: первый – суров, второй – снисходителен. Одно неотрывно от другого! В этой стихийной диалектике проявляется глубина народной души.

Ильин день в неявном виде противостоит Святкам. Ведь что характерно для Святок? Скажем прямо: народ в эти дни заигрывает с нечистой силой – прибегает к её услугам. Хотя потом и замаливает святочные прегрешения. Тем не менее факт остаётся фактом: конфронтация света и тьмы во время Святок явно ослаблена – имеет место своеобразная диффузия двух начал. Иное дело – Ильин день. Полярность противоположных сил тут подаётся с предельной чёткостью. Граница между добром и злом прочерчена со всей непреложностью. Она похожа на неукоснительную линию терминатора – картина бытия обретает резкую поляризованность.

На Ильин день борьба с сатаной входит в свою решающую фазу. Отсюда его трагедийные напряжения. Воинство сатаны трепещет от страха. Поражённая стрелой-молнией, нечисть загоняется в землю – и не может выйти оттуда семь лет. Она лихорадочно ищет разнообразные убежища. Где может спрятаться нечисть? В дупле дерева – на полевой меже – под шляпкой ядовитого гриба. Но и там её достают стрелы-молнии. Уходя от преследования, нечистая сила выбирает новую стратегию – реализует свою оборотническую природу. Она способна обернуться и домашним животным, и диким зверем. Ей не трудно принять облик пресмыкающегося. Хуже того: оставаясь невидимой, она способна проникнуть в другое существо – хотя бы и в человека. Чужое тело она пытается превратить в свою крепость. Это сделать совсем не трудно, если на человеке нет креста. Что же Илья-пророк? Неистовый в своём праведном гневе, он видит нечистую силу, а человека не замечает. Поражена нечисть, но и человек погиб. Это издержка в борьбе с тёмной силой? Мы помним, что библейский Илья выкашивал людей полусотнями – это была массовая кара; вина убиенных огнём сегодня нам кажется преувеличенной. Ведь мы прошли через горнило евангельского прощения. Бог открылся нам как Любовь. Безжалост-

ность Ильи смущает нас – кажется нам неоправданной. Вероятно, простой народ испытывал подобное смущенье – потому стремился как-то оправдать излишнюю резкость Ильи. Закономерно возникает убеждённость: убитые громом сразу попадают в царство небесное. Быть может, есть их вина в том, что они дали укрытие нечистой силе, но всё же смерть является излишне жестоким наказанием для них. Поэтому жертвы Ильина дня получат воздаяние. Нельзя не заметить, что в этих представлениях явно сказалась христианизация народного сознания – в нём безусловно доминируют новозаветные, а не ветхозаветные начала.

Нечистая сила пытается подчинить себе людей с помощью различных со-блазнов, искушений. Порой это хуже прямого одержания. Почему на Ильин день занавешивались блестящие предметы – в первую очередь зеркала и са-мовары? Не потому, что они могли притянуть удар молнии, а потому, что сви-детельствовали об излишнем достатке. Это предметы роскоши. Христианин должен знать меру в своих потребностях. Поэтому Илья-пророк не щадит до-рогих вещей. Метаясь в них, он может спалить целый дом – опять издережки, но ничего тут поделать нельзя. Надо вернуться к праведной жизни.

Грандиозный вселенский катарсис: вот что происходит на Ильин день. И при-рода, и человек получают возможность очищающего омовения и высветления. Это сакральная гигиена – мощные Ильинские грозы. Не случайно на Ильин день приходится масса примет и рекомендаций, преследующих одну цель: убе-речься во время битвы Ильи-пророка с сатаной и его приспешниками. Поэтика некоторых примет несёт в себе сюрреалистический оттенок. Например, не сле-дует есть рыбу с красными глазами, пойманную во время грозы – в ней могут прятаться черти. Загадочен и другой совет: ни в коем случае не прятаться во время грозы под сосновой с двумя вершинами. Чем грозило это раздвоение? В лабиринтах бессознательного подчас возникают очень сложные связи. Их нельзя постичь рационально – тут надо прибегать к суггестии.

Праздник – время нерабочее, праздник – время священное. Это принципи-ально. Табуирование работ на Ильин день являлось особо строгим. Хочется сказать: преувеличенно строгим! За игнорирование запрета можно было зап-латить непомерно большую цену. Случилось так, что один крестьянин не оста-вил на Ильин день сенокоса – и за этим воспоследовала такая цепочка собы-тий: из леса вылетела ворона – в своём клове она держала горящую ветку – целенаправленно птица перелетала от зарода к зароду, пока не спалила всё заготовленное крестьянином сено.

Можно сказать, что *праздником* оправдывается преходящая *праздность*, но время, свободное от повседневных работ, должно быть посвящено Богу. Даже если это посвящение принимает игровые формы. Это ещё не до конца понят-ная нам установка: выделить специальные дни, когда всё преходящее остаётся побоку – и мысль сосредоточивается на непреходящем. Такие дни были не только отдохновением – есть в них скрытый телеологический смысл: пусть в условно-игровой форме, но они давали возможность человеку почувствовать, какой будет жизнь на новой земле и под новыми небесами. Человек как бы получал подзарядку от будущего. Возвращаясь к обычной деятельности, он подспудно чувствовал, что у этой трудной жизни есть смысл – и есть высокое оправдание. Существует понятие трудовой дисциплины. Так вот: праздник – это дисциплина нетрудовая. Ослушники будут наказаны. Примеры таких нака-заний часто встречаются в рассказах об Ильине дне.

Народ поклонялся Илье Мокрому и Илье Сухому. Перед нами *персонифи-цированная диалектика*. Ещё Анаксимандр учил о том, что из Единого выделя-ются сухое и влажное – фундаментальная пара противоположностей. Внутри

себя Илья-пророк двуипостасен – в нём соединились противоположные начала. Если засуха начинала грозить бедой, то обращались к Илье Мокрому – посредническую роль играла его икона, опущенная в родник. Если начинался сеногной, то на выручку шли к Илье Сухому. Единый образ двоился, не теряя при этом своей целостности. Илья универсален. Он приходит на помощь в одинаково трагических, но противоположных по сути ситуациях.

Мифopoэтическая стратиграфия образа Ильи-пророка поражает своей многослойностью. Вот некоторые языческие пласти:

– культ Ильи-пророка несёт в себе пережиточный элемент литолатрии: он выразился не только в сборе громовых стрел, но и в особом отношении к так называемым *гремячим родникам* – они бьют обязательно из камня, по которому ударила Ильинская молния;

– очевидна апотропейная функция Ильи-пророка; в обращённых к нему заговорах контаминируются языческие заклинания и христианские молитвы – в результате получается весьма органический текст, по-своему свидетельствующий о цельности двоеверия;

– к Ильину дню на Русском Севере приурочивались общинные трапезы, во время которых происходил *быкобой* – заклание тельца, живо напоминающее архаическое жертвоприношение; олонецкие охотники и рыболовы верили: кость от *Ильинского быка* устроит их добычу.

Вспомним библейский текст, где описывается, как в присутствии Елисея Илья был взят на небо: «вдруг явилась колесница огненная, и кони огненные, и разлучили их обоих» /4 Цар 2:11/. Приведём для сравнения русский заговор: «свет ты, Илья-пророк, огненна карета и огненна колесница, тugo ты тянемь, метко стреляешь, врага и супостата убиваешь и огнём опаляешь, чтобы меня, раба Божия имярек, не испорчивать, не искошдовывать ни колдуные, ни злому и лихому человеку, ни злой крови и думе злой». Сколь интересным трансформациям подвергается библейский образ! Народ мастерски адаптирует его к своей картине мира. Илья наделяется чертами, которых у него нет в библейском оригинале – идёт развитие и обогащение образа. Интерференция библейских и языческих элементов лишь усиливает художественный эффект.

Ильин день маркирует многие перемены в природе. Точны и выразительны приметы, посвящённые ему – например, такая: «*До Ильи грачи по одиночке, а после Ильи большими стаями*». Это типично переходный праздник. Причём переход осуществляется в более суровое время года. О.Г. Баранова пишет: «*Образ Ильи-пророка принадлежал к числу наиболее чтимых на Руси святых, особенно на Севере – в Новгороде и Пскове*⁸²». Конечно же, слова исследовательницы относятся и к новгородской пятине, где располагался Ильинский погост – краса Водлозерья. Это зона рискованного земледелия. Поэтому с Ильинным днём увязывались проблемы урожая. Пророк был активно задействован в процедурах аграрной магии. С ним ассоциировался интереснейший *дожиночный* обряд, свершившийся в последний день жатвы – вот структура этого обряда:

– на поле оставляли немного колосьев;
– их собирали в пучок – он уподоблялся «бороде» и посвящался Илье;
– потом его дуговидно сгибали так, чтобы верхушкой он вошёл в контакт с бороздой.

Вот смысл обряда: земле должна вернуться продуцирующая сила – ритуальное действие как бы пускало её по кольцу, замыкая великий круговорот. Иногда обряд назывался «*завивание бороды*». Приступая к его исполнению,

⁸² Русский праздник. – С. 211.

крестьянки произносили такие слова: «*Вот тебе, Илья, борода – на лето уроди нам ржи да овса*». На Ильин день освящали огурцы, морковь, горох. Небесное принимало самое непосредственное участие в земном. В культе Ильи-пророка раскрылись новые грани этой вековечной связи. Мы видим при сверкании Ильинских гроз: деятельность человека имеет космический и транскосмический контекст – переселившийся в занебесные сферы Илья-пророк проявляет прямой интерес к тому, что творится на дальних пажитях. Он очищает их от всяческой скверны – и заряжает витальной энергией. На Севере обожали сюжет огненного восхождения Ильи. Водлозёры привычно высматривали Илью в занебесья. Но вместе с тем остро чувствовали его имманентность земной природе и земному хозяйству. Илья-пророк далече и вместе с тем всегда рядом.

МЫСЛИ О ПРАЗДНИКЕ

1. *Опасность маски.* Народ любил маски – и вместе с тем ощущал таящуюся в них опасность. Ряженый в маске должен оставаться неразоблачённым. Пуще всего надо бояться того, что тебя узнают! Тогда маска может *прикипеть* к лицу. Однако в машкарованья обычно участвовали люди, которых хорошо знали – шанс сохранить инкогнито был ничтожным. Не имело ли тут место самовнушение с двух сторон? Ряженые внушают себе, что им удалось скрыть свою подлинную сущность – зрители внушают, что перед ними действительно чужаки: заявились они в их дом впервые. Самовнушение не есть самообман. Скорее тут надо говорить о таком плотном вхождении в игру, что она становилась реальностью, пусть и виртуальной. Маска – манит: порой так хочется побывать кем-то другим! Маска – грозит: под ней ты можешь утратить свою личность! Изменение внешности коррелирует с изменением сущности. Маска обладает огромной трансформирующей силой. Упаси Боже хранить её в своем доме. Она могла принести несчастье. Поэтому создавались специальные тайники для масок. Ещё далеко до литературных героев XIX века, личность которых разделяется – но архаическая маска уже предвещает такое раздвоение. Игра с маской – рискованная игра. Но вот Святки кончились. Ряженые идут к иордани – и долго-долго моют лицо: смывают ауру маски. Не все считали, что надевший её обязательно соприкоснулся с нечистой силой, но мнение такое широко было. При всех критических суждениях о маске, она сохранила свою притягательность. Кто-то связывал её и с добрым началом. Об этом свидетельствует – по материалам К.К. Логинова – такой северный обычай: маска, выкроенная из праздничного блина (оригинальное формотворчество!), после исполнения своих игровых функций отдавалась на съедение домашней скотине. Чтобы приплод у неё был больше. Можно утверждать, что создание маски – одна из важнейших экзистенциальных вех в истории культуры: благодаря ей человек почувствовал, что может преодолеть – или потерять – свою себетождественность. В этом были и позитивы, и негативы. Маска оказалась обьюдо-острой. Она очень и очень помогла человеку на путях его самопознания.

2. *Апология смеха.* Почему человек смеётся? Быть может, вовсе не способность к труду или к образованию абстрактных понятий выделили человека из природы, а именно – счастливый дар смеха. Прекрасно сказал М.М. Бахтин: «смех не создаёт догматов и не может быть авторитарным»⁸³. Можно сказать так: смех является важнейшим измерением свободы – её равночестной и по-

⁸³ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 109.

тасью. Весьма вероятно, что в генезисе смеха решающую роль сыграли экстремальные ситуации: напряжение доходило до предела – и вдруг разрешалось смехом. Смерть является таким экстремумом. Почему же здесь, на краю бытия, обрывающемся в Ничто, раздаётся смех? Потому что человек хочет свободы от смерти. Рассмеявшись вроде бы не к месту, он разводит её фатальные тиски – выскальзывает из её объятий. В.П. Даркевич пишет о «магическом попрании смерти смехом»⁸⁴. Что веселее похорон Масленицы? Ещё недавно её восторженно встречали – и вот провожают в мир иной с улюлюканьем. Тут нет признаков неверности. Или непостоянства чувств. Скорее может идти речь об игровой адаптации к мучительной неопределённости смерти. Взрыв смеха снижает эту неопределённость. Рефлексируя о природе смеха, человек очень рано приписал ему две функции:

- смех имеет *апотропейное значение* – он работает как оберег: отгоняет от человека всякую нежить;
- смех наделён *продуцирующей силой* – воистину *заразительный*, он передаёт свой оптимизм всему живому.

Смеяться до упаду – или *умереть со смеху*: в этих изумительных идиомах запечатлена экстремальность самого смеха. Быть может, основа его трагична. Быть может, он маскирует отчаянье. Однако во время праздника не думаешь на эти темы. Благодаря праздничному смеху ты обретаешь абсолютное превосходство над всем ничтойным и небытийным. Смеющийся, ты нравишься самому себе – ты всё-таки стал достойным самоуважения: смех прорвал блокаду твоих внутренних комплексов – и ты наконец-то обрёл бесстрашие. Ты сотрясаешься от смеха. И очень возможно, что это начало социальных потрясений, которые изменят мир.

3. *Семантика колядования*. Обряд колядования завораживает и своей поэзией, и своей мистичностью. Величая хозяина, колядовщики воспевают его дом – он оказывается изоморфным космосу:

<i>Стоят три терема</i>	<i>Часть звездочки.</i>
<i>Златоверхие:</i>	<i>Светел месяц –</i>
<i>Во первом терему –</i>	<i>То хозяин во дому,</i>
<i>Светел месяц,</i>	<i>Красно солнышко –</i>
<i>Во втором терему –</i>	<i>То хозяюшка,</i>
<i>Красно солнышко,</i>	<i>Часть звездочки –</i>
<i>В третьем терему –</i>	<i>Малы деточки.</i>

Можно сказать, что из подобных параллелизмов выросла поэзия Н.А. Клюева – как никто другой, он чувствовал космизм крестьянского быта, его включённость во вселенские структуры и ритмы.

Величание имеет магический смысл. Оно – как увеличительное стекло: малое и скучное становится под ними огромным и богатым. Поэтическая гипербола должна превратиться в живую реальность. Колядка задаёт образ будущего – есть возможность вписаться в него. Слово способно творить. Эта вера в силу слова определяет собой сущность колядования. Метафоры могут получить материальное наполнение. Вспомним, что мир творился словом – и колядовщики умеют подключаться к этой энергии. Они её носители, её проводники.

Сколь велика потребность человека в трансцендентном! Если она не удовлетворяется реально, то начинают работать замещающие механизмы, кото-

⁸⁴ Даркевич В.П. Цит. соч. – С. 249.

рые, возможно, и лежат в основе культуры. Вот интуиция народа раздвоила мир на два уровня – посюсторонний и потусторонний. Как наладить контакты с *тем светом*? Немедля включается сновидческий канал. Но этого мало. Хочется более достоверной связи. И вот с *той стороны* приходят *божьи гости*. Это колядовщики.

В.И. Чичеров пишет о способности слова производить то, что им обозначается – колядка построена именно из таких энергийных слов: «*Это отзвук того, что колядующие приходят не скромными просителями, нищими, а коллективом людей, совершающих магический обряд, который должен вызывать желающее в грядущем*»⁸⁵. Л.Н. Виноградова убедительно выявляет *мантический смысл колядования* – оно связано с культом предков и укоренено *тамо*: в загробном мире⁸⁶.

Пращуры не оставляют забот о ныне живущих. Какими путями народ пришёл к мысли о том, что от них зависит и плодоносная сила, и благополучие в доме? Прошлое и будущее замкнуты в его картине мира друг на друга. Здесь, в настоящем, будущее закрыто. Но оно отлично просматривается с позиций *того света*. Нам дано входить в общение с будущим только опосредованно. Как раз такую медиативную роль и берут на себя колядовщики. Подчеркнём: будущее не только наблюдается в системе отсчёта иномира – оттуда на него можно воздействовать, управлять им. В колядках проявляются соответствующие архетипы. Среди них выделим *архетип моста*. Он связует два уровня бытия. Имеются колядки, где утверждается: *божьи гости переходят мост* – он переброшен между двумя мирами. По мнению А.А. Потебни, этот мотив «*может быть тёмным напоминанием о небесном мосте, по которому боги сходили на землю*»⁸⁷.

В колядках упоминается и образ дерева. Это классический медиатор между мирами – *нижним и верхним*. Колядовщики могут появиться сверху:

*Ай да коляда,
Прилетай к нам с высока
Раз в желанный год.*

Всё это указывает на *трансцендентный характер колядования*. Обряд обеспечивает взаимодействие между двумя планами бытия. Это взаимодействие понимается настолько конкретно, что от колядовщиков может быть услышана угроза: они заберут хозяина с собой, если тот плохо примет их. Метафизическое понимается физически. Как ни относиться к подобным представлениям, но одно несомненно: они работали на двууровневую картину мира. А это как раз то, что необходимо для возрастания духа: если нет трансцендентного магнита, то он не получает развития. Или даже не проявляется вообще.

4. *Эстетика венка*. Купальский венок – модель мироздания. Инвариантом здесь будет круговая форма, оптимальная для циклического движения энергии. Иван-да-марья, богородицкая трава, медвежье ухо, ромашка: вот излюбленные компоненты купальского венка. Это чудесное украшение. И вместе с тем неявная философема. Мир устроен по принципу венка. Микрокосм вторит макрокосму. Венок входит в число рождающихся здесь подобий.

⁸⁵ Чичеров В.И. Зимний период русского народного земледельческого календаря. М., 1957. – С.26.

⁸⁶ Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. М., 1982. – С. 8.

⁸⁷ Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865. – С. 22.

Закончен сбор урожая. Последние колосья, завитые в бороду, пригибаются к земле. Борода имеет вид венка. Для пригнёта может быть использован камень. При этом произносятся такие слова: «Дай Бог, чтобы на другое лето был хороший урожай». Что стоит за этим обрядом? Вот ответ В.Я. Проппа на поставленный вопрос: «возвращение земле тех сил, которые из земли ушли в зерно»⁸⁸. Космическая энергия замыкается в кольцо.

Замечательны своей поэзией обряды, связанные с дожиночным снопом. Торжественно он вносится в дом. Место для него – красный угол: под иконами. На сноп могут быть надеты платок и рубашка. Этим подчёркивается его антропоморфность. Среди украшений мы можем увидеть и венок. Плетётся он и для хозяина. Материалом служат колосья.

Троицкий венок откладывается в венке дожиночном. Энергия сохраняется, двигаясь по кольцу. Венок моделирует вечное круговращение энергии. Народному космосу ведома угроза энтропии. Поэтому надо следить за тем, чтобы кольцо не разомкнулось. Плетение разнообразных венков – и вообще создание различных циклических структур, участие в разнообразных циклических движениях – содействует этой цели.

Завивание и развивание берёзы несут в себе ту же семантику. Вот девушка пригибает берёзку к земле – витальные токи сейчас идут по кольцу. При этом прямо на берёзе – из её ветвей – сплетается венок. Поставленная задача дублируется. Вполне вероятно, что смысл обряда уже утрачен – однако наследственность культуры передаёт его от поколения к поколению. Часто завивание берёз происходит в непосредственной близости от ржаного поля. Это делает ещё более очевидным карлогоническую сущность обряда. Народ ощущал свою причастность к витальным силам. Он радел об их сохранении и умножении – ощущал на себе ответственность за них.

Линия круга издревле считалась прекрасной. Венок декорирует эту линию, усиливая её эстетическую значимость. Русские венки и сами по себе, и связанные с ними обряды исполнены поэзии. Вот их опускают на воду – и загадывают будущее. Сердца у девушки ёкают. Волнующие моменты!

5. **Феномен двоеверия.** Русское двоеверие не означает резкой дуалистичности. Конечно, с позиций церкви христианство и язычество антагонистичны, но конфронтацию народ сумел превратить в дополнительность. И это уникально. Двоеверие вовсе не вело к раздвоению сознания. Хотя здесь и были элементы конфликтности. Разве народ не чувствовал определённую вину за совершение языческих обрядов? Однако можно утверждать, что эта вина стала своего рода нормой – и раскаивание её сделалось чем-то привычным, почти машинальным. Два мира – языческий и христианский – настолько глубоко пустили корни друг в друга, что образовали по сути единый космос, который – несмотря на свои внутренние поляризации – прежде всего должен характеризоваться как безусловная целостность. Соответственно и двоеверие фактически является единоверием, но в такой его форме, когда нет монолитности, а налицоствует определённая гетерогенность. Следует согласиться с В.П. Даркевичем, который считает, что двоеверие – «термин неточный, ибо вера являлась достаточно цельной»⁸⁹.

Народная вера богаче и классического язычества, и канонического христианства. Это очень и очень своеобразное образование. Можно говорить о его комплексности – синтетичности – симбиотичности. Однако главной характеристикой здесь будет органичность. Двоеверие не эклектично. В нём нет и тени

⁸⁸ Пропп В.Я. Цит. соч. – С. 797.

⁸⁹ Даркевич В.П. Цит. соч. – С. 202.

механического смешения. Разные пласти в двоеверии образуют неразрывный плодоносный слой. Конечно, напластования нетрудно отпрепарировать друг от друга, однако главное, что мы обнаруживаем – это их взаимопронизование, взаимопроникновение.

Б.А. Успенский пишет: «представители нечистой силы генетически восходят к языческим богам»⁹⁰. Никак нельзя сказать, что христианство вытесняет их начисто – скорее они меняют свой ценностный знак и уходят в подполье бессознательного. Их легко вызвать оттуда. В обряде они актуализируются. Крестьянскому дому присуще всечмешение: тут мы находим и божницу с иконами, и разные ниши, занятые существами низшой мифологии.

В процессе принятия христианства сработали своеобразные механизмы сохранения: старое не было отвергнуто – оно инкорпорировалось в новое, гибко приспособившись к нему. Собственно, имел место не переход от христианства к язычеству, а их парадоксальное, но тем не менее вполне гармоническое совмещение. Для понимания этой гармонии полезно обратиться к диалогу М.М. Бахтина и А.Я. Гуревича.

По мнению А.Я. Гуревича, в концепции М.М. Бахтина карнавальная и официальная культура противопоставлены антитетически – как нечто абсолютно несовместимое, диаметрально противоположное, готовое проаннигилировать при прямом контакте. М.М. Бахтиным верно выявлена сама оппозиция карнавального и официального. Но её внутренняя динамика видится А.Я. Гуревичу иначе. Он настоятельно подчёркивает: «это не только противостояние»⁹¹. Учёный считает, что диалектическое снятие «не предполагает здесь ни отвержения, ни игнорирования, но временное преодоление посредством включения в себя с «обратным знаком»⁹². И далее: «карнавал отрицает культуру официальной иерархии, имея её внутри себя, – но, со своей стороны, не включает ли в себя последняя и смеховой принцип?»⁹³.

Обратим внимание на звучность мыслей Б.А. Успенского и А.Я. Гуревича. Всматриваясь в структуру русского двоеверия, мы обнаруживаем очень сложную, но целостную топологию – она напоминает соотношение мнимого и действительного пространства у П.А. Флоренского. Правда, с весьма существенной разницей: если у П.А. Флоренского мнимое и действительное жёстко зафиксированы, то в народном сознании они амбивалентны – мнимый мир языческой нежити может выходить на первый план, вновь обретая положительный знак. Соответственно христианские реалии в этот момент оказываются по ту сторону средостения. Главное – их соположенность: получается так, что они – как бы это ни отрицала официальная церковь – взаимообусловливают и взаимополагают друг друга. Это ведёт к обогащению духовной культуры. Благодаря двоеверию она обретает живительную противоречивость, разрешающуюся в нетривиальную гармонию – двуплановость делает её динамичной, толерантной, всечмешающей. Компромисс становится предпочтительней конфронтации.

Двоеверие находит своё особо выразительное проявление в тех праздниках, которые имеют языческие корни – христианство легко на архаическую матрицу с предельной мягкостью, фактически ничего не нарушив в ней, но и не внося в себя каких-либо существенных корректив. Органичность этого наложения нового на старое выявляет наличие фундаментальных архетипов, которые сохранно переходят от веры к вере – они выступают как константы культуры.

⁹⁰ Успенский Б.А. Цит. соч. – С. 79

⁹¹ Гуревич А.Я. Избранные труды. СПб., 2006. – С. 220.

⁹² Там же. – С. 221.

⁹³ Там же. – С. 221.

СЛОВАРЬ

Аберрация – отклонение, изменение.

Алетея – самораскрытие истины.

Алломорф – неявный двойник того или иного явления, имеющий другую форму, но выражющий ту же суть. Пример: Мировая Гора является алломорфом Мирового Древа – одинаковое представление о вертикальной структуре бытия выражено с помощью разных образов.

Алогос – противоположность Логоса: начало, вносящее в мир элементы хаотичности, иррациональности, абсурдности.

Альтернатика – направление в теории систем, изучающее динамику взаимоисключающих – альтернативных – моментов, тенденций, подходов и т.п.

Амбивалентность – двойственность в подходе к предмету восприятия, когда его смысловые и ценностные характеристики меняют исходные значения на противоположные. Любовь оборачивается враждой – плюс предстаёт как минус и наоборот – верх и низ в карнавале совершают дерзкую рокировку.

Антитетика – мышление, охватывающее одновременно разные полюса истины: да и нет – утверждение и отрицание – тезис и антитезис. Предельно острое противоречие между тезисом и антитезисом называется антиномией. Глубинная истина антиномична: она парадоксально сочетает моменты, кажущиеся для одномерного мышления несовместимыми.

Анамнезис – Платон видел задачу воспитания в том, чтобы помочь человеку активизировать опыт, полученный его душой ещё до рождения – в измерениях вечности; припомнение этих необычных переживаний и называется анамнезисом.

Анизотропность – неравенство, неравнозначность направлений. И физическое, и культурное пространство могут быть анизотропными по признаку правизны и левизны, движения вверх и вниз и т.п. Анизотропия является важнейшим моментом разнообразия мира, его информационной насыщенности.

Анtagонизм – столкновение непримиримых противоположностей, исключающее компромисс.

Антрапоморфизм – очеловечивание природы, проекция на неё человеческих свойств и признаков. Модель мира, которую мы находим в мифологии и фольклоре, антропоморфна: человек всюду узнаёт свои подобия – это является одним из факторов его единства с космосом. В антропоморфизме неявно предвосхищается антропный принцип, утверждающий единство человека и Вселенной.

Антрапокосмизм – философская концепция, сочетающая идеи космизма и гуманизма; человеку в ней придаётся космическая масштабность – ставится вопрос о его ответственности за судьбу Универсума.

Апотропей – амулет, оберег. Апотропейная магия направлена на защиту от злых духов.

Архетип – затрудняясь определить его ускользающую от познания сущность, К. Юнг прибегал к сравнению: это некое подобие невидимых кристаллических осей, направляющих развитие формы. Сам по себе архетип лишен наглядности. Ему присуща предельная общность. Примером здесь может быть архетип раздвоенного Единого – яркое образное наполнение он получает в так называемых близнечных мифах, в платоновской легенде об андрогине, в дуалистической философии. За очень разными картинами и представлениями здесь просвечивается универсальный архетип. Согласно К. Юнгу, архетипы залегают в глубинах коллективного бессознательного – они передаются из поколения в поколение через неизвестный канал наследственности.

Архитектоника – общий структурный план художественного произведения, единый принцип гармонизации частей и целого.

Асимптота – в широком смысле это цель, приближение к которой может быть бесконечным, однако окончательное достижение оказывается невозможным.

Аттрактор – буквально «притягиватель»: в синергетике так называются разнообразные структуры, создающие вокруг себя порядок из беспорядка. Аттрактором может быть очень слабый сигнал. Тем не менее в резонанс ему иногда попадают грандиозные системы, претерпевающие кризис – они быстро выходят из состояния упадка. Аттрактором способен стать какой-нибудь мальчишка, дерзнувший сказать королю, что он голый – ребёнок положит начало всенародному прозрению и смене режима.

Бессознательное – до З. Фрейда антропология исходила из того, что сознательное (разумное, осмысленное, отрефлексированное) определяет природу человека. Концепция З. Фрейда вызвала глубокий кризис этих просвещёнческих в своём генезисе представлений. Человеком движет иррациональный мир бессознательного – цензура сознания далеко не всегда справляется с его мощными прорывами.

Брахман – в философии индуизма высшее первоначало, синоним Единого, которое не знает внутри себя никаких различий, разделений, противоположений.

Вегетативный – в латыни буквально «растительный»: ныне это понятие метафорически указывает на великую способность жизни множиться, усиливаться, захватывать всё большее пространство.

Второй закон термодинамики – выявляет необратимость энергетических процессов в мире, где постоянно нарастает энтропия: убывает организованность – нивелируются различия – замирают процессы. Замечательно, что физическая концепция стала предметом широчайшего общегуманистического обсуждения: человек не захотел мириться с так называемой «тепловой смертью Вселенной», которая якобы вытекает из второго закона термодинамики – и стала акцентировать антиэнтропийную тенденцию бытия, повышающую упорядоченность космоса.

Герменевтика – наука о толковании текстов (особенно древних, сакральных, эзотерических), чья многозначность ведёт к множественности интерпретаций.

Гетерогенность – неоднородность, разнородность; антоним гомогенности – однородности, сплошности.

Гомеомерии у Анаксагора – «семена вещей»: первоэлементы бытия, реализующие принцип «всё во всём» – способные развиваться в любой объект, хотя бы и во Вселенную. Понятие стало метафорой ситуации, когда часть несёт полноту целого.

Дао – в китайской философии первопринцип бытия, лежащий глубже Единого, которое возникает из его лона и даёт начало Многому. Дао аморфно – безымянно – непредставимо. Оно чуть-чуть приоткрывается лишь в интуитивных озарениях. Даосы говорят: Дао нельзя познать – можно стать Дао.

Дендролатрия – поклонение деревьям.

Детерминаторы – факторы, причинно обуславливающие то или иное явление.

Дивергенция – расходжение признаков, когда линия развития даёт развал; антоним конвергенции – схождения признаков, когда они не ветвятся, а образуют параллельные ряды, выявляющие закономерный характер эволюции.

Динамические закономерности космоса – основываются на классической механике: им присуща однозначность; они исключают случайность – поэтому на их основе не трудно предвычислить будущее. Сегодня наука говорит о ведущей роли статистических закономерностей, где сложная игра вероятностей делает невозможным однозначный прогноз.

Дифизитство – учение о парадоксальном единстве в Христе двух природ: божественной и человеческой.

«Жизненный порыв» А. Бергсона – изначальная активность органической материи, поднимающая её на всё более высокие эволюционные уровни.

Изоморфизм – структурное подобие разнородных явлений. Вот изящный пример изоморфизма: галактики – раковины – листорасположение у растений часто имеют форму логарифмической спирали. Различны и масштабы, и субстанции – но геометрический принцип един.

Имманентный – внутренне соприсущий данному предмету, неотделимый от него, растворённый в нём; антоним трансцендентного.

Индивидуация – отделение от общего; нарастание особенных, неповторимых черт; процесс, лежащий в основе рождения личности.

Интенция – в феноменологии Э. Гуссерля этим понятием обозначается направленность сознания на тот или иной предмет. Феномен, существующий в мысли – и феномен сам по себе: Э. Гуссерль выявил их принципиальное различие – причём не столь в психологическом (что и до него было известно), сколь в существенном плане. Интендирование не есть механическое отражение внешнего мира, а скорее его воссоздание и преображение на той новой основе, которая задаётся природой сознания. Понятие интенции подчёркивает творческую активность мышления. Мы несём в себе автономные миры, являясь их демиургами – и это становится возможным благодаря интенции. Когда я говорю: «интенция свободы» – то это моя свобода: моё неповторимое её переживание и осмысление. Свобода рождается как бы впервые.

Исихазм – философия православных старцев, учащая о нетварной энергии Бога, соединение с которой – **синархия** – делает возможным теозис: обожение человека.

Карпогония – в греческом языке буквально означает «рождение плодов»; так называемая карпогоническая магия призвана усилить плодоносную силу земли, животных, человека.

Катализ – метафорически означает возбуждение, резкое усиление процесса.

Катарсис – термин древнегреческой эстетики, закрепивший представление о том, что созерцание прекрасного – а у Аристотеля и переживание трагического – ведут к очищению души.

Комплементарность – то же, что дополнительность: введённый Н. Бором принцип, согласно которому взаимоисключающие противоположности – например, волна и частица – могут дополнять друг друга.

Конвергенция – см. дивергенция; конвергентное подобие не связано с единством происхождения: тут нет общих корней – схожие признаки возникают независимо; как если бы одна платонова идея воплотилась в разных местах и разных эпохах.

Корреляция – взаимосвязь, взаимозависимость, взаимосоотнесённость.

Континуум – непрерывность. Континуальному противоположно дискретное – прерывное, зернистое, квантованное.

Контрапункт – музыкальный термин, означающий полифонию (многоголосие), получил такое переносное значение: одновременное развитие сразу нескольких тем и мотивов – иногда не только различных, но и контрастных, как бы противоборствующих друг с другом.

Контроверза – то, что вызывает разногласие и инициирует спор.

Космокреатика – концепция, где творческий – креативный – потенциал человека получает вселенское раскрытие: мы творим миры – становимся демиургами.

Контаминация – соединение различного.

Левитация – противоположность гравитации: во сне мы левитируем – взлетаем и парим, игнорируя закон тяжести.

Линия терминатора – граница света и тени.

Литолатрия – поклонение камням.

Логос – у Гераклита закономерное начало, определяющее собой целесообразность космоса; ассоциируется с Мировым Разумом; в христианстве означает Бога Слово.

Манистический – связанный с миром смерти.

Машкарованье – обряд ряженья; от слова «маска», «маскарад».

Мимикрия – защитное сходство; в живой природе этот феномен очень ярко выражает покровительственная окраска; в социальном контексте: приспособление – часто вынужденное – под некий заданный стандарт, что обеспечивает выживание.

Митра – солярный бог, имеющий индо-иранские корни; в эпоху эллинизма кульп Митры распространился далеко на Запад – он был принят Римской империей; есть данные, что митраизм первоначально исповедовал и Константин I, сделавший христианство государственной религией Византии.

Многоипостасный – многообразный, многоликий; имеется неортодоксальный взгляд, что Богочеловечество многоипостасно войдёт в Святую Троицу, не нарушив при этом её трёхипостасную, абсолютно самодостаточную и самозавершённую цельность; метафорически означает многоединство, сохраняющее индивидуальность элементов.

Монизм – учение о едином начале, лежащем в основе мирового разнообразия (в противоположность дуализму и плюрализму, которые соответственно учат о двух началах и множестве начал).

Нирвана – в хинайне, которая является исходной формой буддизма, так обозначена абсолютная полнота покоя – предел разволожения – максимум отсутствия. Понятие нирваны в своей первичной семантике близко понятию небытия.

Ноосфера – сфера разума, эволюционно замещающая сферу жизни – биосферу; духоносная оболочка планеты.

Ноумен – глубинная, у И. Канта непознаваемая сущность предмета, противоположная феномену – **явлению**.

Оксюморон – словосочетание, сводящее вместе противоположные смыслы; один из самых ярких стилистических приёмов; если мир есть высказывание Бога, то поэтика оксюморона безусловно преобладает в нём.

Оргиазм – важнейшая обрядовая сторона древне-восточных мистерий, связанная с оргиями, в которых коллективная экзальтация, достигнув своего максимума, вела к полному снятию всех социальных табу и ограничений. Особую известность приобрёл дionисический оргиазм. Аналогией к нему является раскованность поведения, характерная для славянского празднования Ивана Купалы.

Орнитоморфизм – частный случай зооморфизма, когда божество воспринимается в образе птицы.

Остяки – устаревшее название хантов.

Открытое общество – либерально организованный социум, где ведущую роль играет позитивная самодеятельность граждан, а не диктат государства. Открыто для разносторонних влияний и свободных дискуссий. Противостоит закрытому обществу, чья изоляция от мира искусственно поддерживается тоталитарными режимами, преследующими любую критику. России пока не удалось стать открытым обществом.

Отрицание отрицания – открытый Г.В.Ф. Гегелем закон спирального развития: трём виткам соответствуют тезис (например, античность) – антитезис

(средневековье отрицает многие ценности античности) – **синтез** (Ренессанс на новом повышенном основании восстанавливает античные идеалы – осуществляет отрицание отрицания).

Паллиативы – временные меры, несколько стабилизирующие систему, переживающую кризисную фазу развития, но не снимающие её проблем.

Парейдолия – способность нашего восприятия вносить смысл в хаотические образованные. Достаточно вспомнить о закатных облаках, которые могут прочитываться как увлекательный текст. В парейдолии находит своеобразное выражение активность человека, призванного претворять хаос в космос – аморфное он превращает в оформленное, бессмысленное наделяет смыслом.

Партеногенез – девственное размножение без участия мужского начала.

Паттерн – направляющая структура, порождающая матрица.

Проаннигилировать – взаимоуничтожиться: столкновение частицы и анти-частицы ведёт к их аннигиляции; в переносном смысле указывает на такой исход борьбы противоположностей, когда они обе сходят на нет.

Пролегомены – вступительные главы, предварительные тезисы; введение в ту или иную фундаментальную тему, требующую разносторонней разработки.

Промискуитет – отсутствие порядка и нормы в сексуальных отношениях, предшествующее возникновению института семьи.

Реинкарнация – перевоплощение душ, метемпсихоз.

Семиотика – наука о знаках, рассматриваемых как особый слой реальности, равно отличной от материальных вещей и ментальных идей; вместе с тем и те, и другие могут быть знаками, принимая на себя новые, изначально им не свойственные функции.

Симбиоз – такое слияние двух организмов, когда они, сохранив свою определённость, образуют новую целостность; метафорически понятие симбиоза указывает на гармоническое партнёрство.

Симпатическая магия основана на подобии явлений; так, трава печёночница считалась полезной для врачевания печени, ибо в её листьях усматривалось сходство с этим органом. Другой пример: манипулируя с изображением человека, можно оказать влияние на него самого.

Синергетика – наука о самоорганизации систем; бросает серьёзный вызов религии, убедительно показывая, что становление порядка в мире возможно без участия внешнего трансцендентного фактора.

Софийность – в философии православия означает наполненность мира божественной мудростью, его напитанность благодатью; красота в своём высшем значении и проявлении.

Стагнация – от латинского «стоячая вода»: означает вялость, безжизненность деградирующей системы, её застойность.

Субстрат – общая основа, единая почва, питающая разнообразие явлений.

Суггестия – внеациональное понимание смысла, основанное на внушении или на интуитивном прозрении; синоним безотчётного наития. Озарение, вызванное суггестией, имеет силу как бы гипнотического впечатления – мыываем понимание сразу и целиком, не нуждаясь в рассудочных объяснениях.

Таксис – порядок; в исследования Ф. Хайека механический таксис противоставляется органическому *космосу*.

Теневой иномир – архетипическое представление о том, что у мира имеется своего рода Зазеркалье: как бы изнаночная сторона, где все значения обращаются, инверсируются на противоположные.

Теозис – в исихазме означает осуществление главной цели христианства, которую гениально выразил Афанасий Александрийский: «Бог становится человеком для того, чтобы человек стал Богом».

Топос – место, пространственная ниша той или иной группы явлений.

Тотем – какой-либо предмет, часто животное или растение, с которым род в архаическом обществе имеет особую священную связь; но это всё же не божество, а скорее сородич или покровитель, требующий усиленного почитания.

Трансцендентное – находящееся за гранью видимого мира; запредельное, потустороннее; когда говорят, что культура трансцендирует, то это подразумевает её порыв к чему-то высшему – к тому, что здесь и сейчас непосредственно не доступно, однако проявляется в интуитивных прозрениях и откровениях; без понятия трансцендирования невозможно понять феномен духовности, который может реализоваться лишь в двууровневом мире, где дольнему противостоит горнее, времени – вечность, материи – идея. Духовность есть трансцендирование – возрастание в направлении к высшему.

Тринитарный – троичный, тройственный; в основе христианства лежит тринитарный догмат – учение о нераздельном и неслиянном единстве трёх ипостасей Единого Бога.

Турбулентность – беспорядочное, хаотическое, вихревое движение, в котором тем не менее синергетика усматривает возможность зарождения новых структур и ритмов.

Феномен – противоположность ноумена: то, что доступно непосредственному восприятию, которое может обмануть нас, оказавшись неадекватным губинной сущности предмета.

Фертильность – плодоносность, репродуктивная способность.

Фелонь – риза, надеваемая священником поверх других одежд; своим видом призвана напоминать багряницу Иисуса Христа.

Флуктуация – самопроизвольное, не имеющее никаких внешних причин отклонение системы от нормы, симметрии, равновесия; случайный выход за пределы среднего значения.

Хаосогенный – усиливающий рост хаоса, ведущий к нарастанию беспорядка.

Шуньята – в буддизме так называется абсолютная Пустота или великое Ничто, в котором разрешаются все противоречия и поляризации нашего мира.

Экзистенциальный – связанный с тем, что определяет самое глубокое в существовании человека: его личностное начало – внутреннюю свободу – волю к бытию и страхам небытия.

Эклектика – смешение разнородных элементов.

Эклиптика – зодиакальный круг, по которому движется Солнце.

Элиминация – в латыни буквально означает «изгнание за порог»; удаление – устранение – ликвидация; иногда говорят, что природа может элиминировать человека – избавиться от него как от силы, враждебной жизни.

Экотоп – место, занятое в биосфере или ноосфере какой-либо популяцией, группой однородных явлений и т.п.

Энантиоморф – левая и правая разновидность одного и того же объекта. Пример: правая и левая рука человека – энантиоморфы.

Энтелекия – у Аристотеля так называется целеустремлённая сила, ответственная за переход от возможности к действительности; в словаре витализма – жизненный импульс, несводимый к физической реальности, трансцендентный по отношению к ней.

Энтропия – мера хаотичности системы; понятие, которое вышло далеко за пределы физики – и стало синонимом всего тлетворного, разрушительного, деградирующего. В борьбе с энтропией человек может обрести смысл своего существования.

Эсхатология – учение о конце света.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	2
I. ФИЛОСОФИЯ ПРАЗДНИКА	3
ПРАЗДНИК КАК МОДЕЛЬ МИРА	3
НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК И ДУХ СВОБОДЫ	6
ПРАЗДНИК – СПОНТАННОСТЬ – ИГРА	10
МИСТЕРИЯ ПЕРЕХОДА	15
ИНВЕРСИИ ПРАЗДНИКА	18
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МАСКИ	21
КОСМОГОНИЯ ПРАЗДНИКА	26
КАРПОГОНИЯ ПРАЗДНИКА	31
ПРАЗДНИК И СОЛИДАРНОСТЬ	35
КРУГ БЫТИЯ	38
МИРОВОЕ ДРЕВО В ЦЕНТРЕ ПРАЗДНИКА	40
ПИК ПРАЗДНИКА	41
II. ПРАЗДНИК И ДВОЕВЕРИЕ	42
ПОЭТИКА СВЯТОЧНЫХ ГАДАНИЙ	42
МАСЛЕНИЦА	44
ТРОИЦЫН ДЕНЬ	47
ИВАН КУПАЛА	53
ИЛЬИН ДЕНЬ	55
МЫСЛИ О ПРАЗДНИКЕ	60
СЛОВАРЬ	65
ОГЛАВЛЕНИЕ	71

«Карельское региональное отделение межрегиональной молодежной общественной благотворительной организации «Молодежная правозащитная группа (МПГ)»

Руководитель проекта:

Максим Ефимов,

лидер «Молодежной правозащитной группы».

Компьютерный набор:

Елена Лукинова, М. Ефимов.

Автор фотографии:

М. Ефимов

Тираж 1000 экземпляров.

Для писем: 185026, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, а/я 17.

<http://right.karelia.ru>, e-mail: yhrg@sampo.ru

Обложка иллюстрирована репродукциями картин Ю.С. Ушакова из коллекции Музея Русского Севера Ю.В. Линника. Ярило (30.10.65), Птица Сирин (12.10.65), Птица Сирин (13.10.65), Ярило (б/г), Берегиня (б/г), Берегиня (б/г).